

Т. М. Захарова

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Санкт-Петербург
ООО «Береста»
2006

ББК 39.4 + 65.240
УДК 656.6 + 331
3-38

Т. М. Захарова
Горный орел

Захарова, Т. М.
3-38 Горный орел : [о капитане атомохода "Арктика" Кучиеве Ю. С.] / Т. М. Захарова. – Санкт-Петербург : Береста, 2006. – 100 с.
ISBN-5-98052-106-2

ISBN-5-98052-106-2

ББК 39.4 + 65.240
УДК 656.6 + 331
© Захарова Т.М.

Дорогой читатель!

В этой небольшой книге коротко рассказано об одном из моих товарищей по дружной плеяде Героев Социалистического Труда города Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Ленинградской области капитане атомохода «Арктика» Кучиеве Ю.С., с учетом его пожелание не искажать ни его политические взгляды, ни профессиональные, ни чисто человеческие.

«Я такой, какой есть», - четко и твердо заявил он мне. И я стараюсь представить его объективно, с учетом положительных и отрицательных качеств, которые он сам не скрывает.

Основной материал Юрий Сергеевич внимательно прочитал и дал «добро» на его жизнь. Но финансовые трудности не позволили мне издать этот материал при его жизни. Однако и сейчас я не могу напечатать по той же причине. Поэтому отдаю этот рассказ его близким и друзьям, которые, возможно выпустят его в жизнь.

Искренне благодарна всем замечательным людям, кто помог в сборе материалов, воспоминаний об этом выдающемся человеке.

Особая благодарность Героям Социалистического Труда: Емельянову Владимиру Александровичу, Ламехову Анатолию Алексеевичу, Корнилову Николаю Александровичу, Шершневу Виктору Ниловичу и одному из родственников - Хетагурову Казбеку Михайловичу.

Жизненный путь Кучеева Ю.С. - путь беззаветного служения своему отечеству и народу.

Т. М. Захарова

ГОРНЫЙ ОРЕЛ.

Каждый человек, о котором решила коротко написать, без моего на то согласия забирается в душу и живет в ней, заставляя выполнить задуманное. Писать о человеке всегда довольно сложно, а если этот человек является еще авторитетной, легендарной личностью, то тяжелее в двойне. На страницах этого скромного литературного труда речь пойдет о капитане Кучиеве Юрии Сергеевиче, который привел надводным путем атомный ледокол «Арктика» на Северный полюс и тем самым осуществил вековую мечту всех мореплавателей мира. Этот поход занесен в книгу Гиннеса. Наконец-то поднялись, как говорит сам Юрий Сергеевич, на пуп земли.

Поэтому, наверное, хорошо понятно мое волнение. Писать о Юрии Сергеевиче надо только истинную правду, изображать его, таким, какой он есть. А человек он многогранный, талантливый, с профессиональной стороны высоко квалифицированный, требовательный к себе и к окружающим. Поэтому, прежде всего, я должна была получить от Юрия Сергеевича согласие на то, что я о нем буду писать, а также побеседовать, задать несколько вопросов. Раньше я слышала, что Юрий Сергеевич не очень-то любит восхваление в его адрес. Не раз, прочитав текст, а в свое время о нем много писали, он его перечеркивал, и на этом ставилась точка. Только, насколько я знаю, Юрий Сергеевич с большим уважением относился лишь к Владимиру Стругатскому.

А тут вдруг я вздумала о нем написать. Хотя и сам Юрий Сергеевич, прочитав мою книгу «С чем придешь к людям», где я рассказываю о Героях Социалистического Труда, изъявил желание. И, прежде

всего, этим самым он хотел помочь мне, догадываясь о моем желании. Как говорится, слава Богу, что мы находимся в одной плеяде Героев Социалистического Труда, по дружески, товарищески встречаемся, ведем откровенные беседы. Они-то и позволили нам быстрее понять друг друга. Я хорошо знала, что Юрий Сергеевич очень не любит, когда восхваляют одного человека. Как-то он сказал: «Я же не один свершил этот подвиг, он является результатом коллективного труда, колоссальным достижением научно-технического прогресса всей страны». И тут же начал называть одну фамилию за другой. Его глаза горели огнем, они излучали особый свет радости. Юрий Сергеевич от души гордился своими товарищами, теми, кто проектировал, строил ледокол, кто шел с ним рядом на Северный полюс. Коль уж пошел у нас с Юрием Сергеевичем такой разговор, мы договорились поговорить об этом более подробно и назначили время нашей встречи.

И вот настал тот день, когда Юрий Сергеевич, со свойственной ему галантностью и рыцарством, не позволил мне, женщине, приехать к нему, а явился сам в мое скромное жилище. Его поступок говорил о чутком, добром отношении к людям, которое не каждый, занимая столь высокое положение, сумел бы сохранить.

Когда я открыла дверь, передо мной стоял все тот же Юрий Сергеевич, каким я его знала: невысокий, крепкого телосложения, его одежда говорила о строгости, аккуратности и хорошем вкусе. Чисто выбритое лицо, короткие светлые усики, открытая улыбка, куда то спрятали его возраст. Цепкий орлиный взгляд, который словно видел меня насквозь, не обескураживал, а расположил к откровенности. Я расслабилась, не стала стесняться своей скромной обстановки и, возможно, не совсем тактичных вопросов к нему, которые собиралась задать. Этот невысокий человек мне казался гигантом, сильным, во-

левым, мужественным с четкой ясной мыслью способный мгновенно решать задачи, отвечать на самые сложные вопросы. Юрий Сергеевич, казалось, никуда не смотрел, но все видел. Он не только внимательно вслушивался в мои слова, а улавливал мысль, то о чем я хотела спросить и не решалась. Моя душа ликovala, видя перед собой такой мудрый взгляд. Юрий Сергеевич подбирал не те слова, которые показали бы его превосходство надо мной, а те, которые мне понятны, и я была благодарна ему за это.

Порой, казалось, что у нас с ним шел двойной разговор: один – произношением слов, второй – чтением друг у друга мыслей. И я училась у Юрия Сергеевича четкости изложения и способности размышлять о сказанном. Вот и в правду говорят: век живи – век учись. Но нахлынувшая мысль куда-то отодвинула наш разговор. Интересно, кто мог предугадать, что мальчишка из горного Северо-Осетинского аула Тиб мог так прославить нашу Родину, а возможно Родина, Советская власть дала ему возможность прославить себя, не смотря на сложности и трудности, подняться на такой высокий пьедестал, а может, и то и другое совпало в своем пике.

Стоял тогда на дворе август, шел 1919 год, когда пришел в этот мир любопытный и неугомонный малыш, которого нарекли Юрием. Из аула семья Кучиевых переехала жить во Владикавказ. Именно там, в 1927 году он пошел в школу. Сейчас, откровенно улыбаясь, Юрий Сергеевич говорил: «В начале я учился неровно, больше увлекался батальными играми». Лишь после окончания седьмого класса появилась четкая цель – Юра решил стать летчиком-истребителем и среднее образование завершил с отличием. Именно так перед ним поставил задачу его отец Сергей Тимофеевич Кучиев. Он ориентировал сына сначала получить инженерное образование в Военно-воздушной

Академии имени Жуковского - в ту пору туда принимали только отличников школ - а уже потом овладеть летным мастерством и стать истребителем.

Но мечты мечтами, а жизнь диктует свое. Грянул тяжелый 1937 год, в декабре перед самым окончанием школы местными НКВД был арестован и расстрелян его отец Сергей Тимофеевич Кучиев, истинный преданный коммунист, член партии с 1919 года, отважный красный партизан гражданской войны, нарком земледелия Северо-Осетинской АССР. После смерти Сталина его реабилитировали. Юрий Сергеевич всю свою жизнь был убежден, что ушел из жизни его отец верным сталинцем. Именно под влиянием отца, рассказывал Юрий Сергеевич, в их семье имена Ленина, Сталина. Дзержинского, Кирова, Орджоникидзе были святыми. Но особым культом были окружены Сталин и Дзержинский. И как бы в дальнейшем ни складывалась жизнь Юрия Сергеевича, он никогда не изменял памяти своего отца и его убеждений. Хотя ему не раз настойчиво предлагали отречься от отца и предать его. Но не только сломать, а согнуть юношу было невозможно. Окружающие Юрия Сергеевича люди преклонялись перед его силой воли, честью и порядочностью. Нелегкое испытание легло на его еще неокрепшие плечи. Мать Юрия Любовь Васильевна малограмотная горянка происходила из очень почитаемого в Осетии рода, аула Нар, прославленного великим осетинским поэтом-демократом Коста Хетагуровым. Она ревностно оберегала нравственные и семейные традиции своего рода. А когда случилась беда, безропотно приняла на свои плечи заботу о четверых детях, категорически отвергнув желание сына немедленно бросить школу и на правах старшего помогать семье. Любовь Васильевна сама пошла на работу мойщицей посуды в винный магазин, а сыну сказала, что лучшим ответом на

происходящие события будет исполнение мечты, одобренной отцом.

Однако сыну «врага народа» было категорически отказано не только в том, чтобы стать летчиком, но вообще в призыве в Красную Армию. Не помогли даже хлопоты, известного полярного авиатора. Героя Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР от Северной Осетии Марка Ивановича Шевелева. После неудачи с карьерой летчика. Юрий по распоряжению Марка Ивановича с попутным самолетом полярной авиации отправился на Диксон. Там он был определен матросом на портовый буксир «Василий Молоков». Это было пятого июня 1941 года. Юрий Сергеевич предполагал, что теперь он сможет помочь материально своей дорогой любимой маме поднимать младших.

Я понимаю, что писать о людях, которые мне интересны, не используя биографических данных, невозможно. Очень важно, на каком фундаменте, в каких условиях формировался человек, как переносил сложности и трудности, как умел любить, дружить и кого и за что ненавидеть. Вполне понятно. Юрию Сергеевичу непросто было пережить тяжелое лихолетье, не изменив убеждениям отца, расстаться с заветной мечтой и начать с азов осваивать морское судоходство. И здесь любопытный молодой человек из горного аула Тиб, показывает свой характер, проявил талант и человеческие качества. Они позволили ему за 40 лет пройти путь от матроса до капитана на ледоколах «Таймыр», «Красин», «Сибиряков», «Малыгин», «Илья Муромец», «Киев», «Мурманск», на атомоходах «Ленин» и «Арктика». Попутно он успешно окончил курсы штурманов малого и дальнего плавания, а затем морскую академию им. С.О.Макарова в Ленинграде. Юрий Сергеевич умеет ценить дружбу, советы, наставления своих учителей-наставников. С какой любовью и искренним уважением он рассказы-

вал о своем первом ледовом учителе.

Им оказался патриарх отечественного ледокольного флота Михаил Яковлевич Сорокин - волжанин, богатырь, боевой русский офицер, участник Цусимского сражения на крейсере «Аврора». Его портрет находится в экспозиции музея легендарного крейсера. Михаил Яковлевич был участником ледового перехода российского флота из Хельсинки в Кронштадт в 1918 году, командир вооруженного ледокола «Ермак» в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, капитан первого ранга. С каким теплом и душевной чистотой вспоминает Юрий Сергеевич тот момент, когда его откомандировали из Архангельска с предписанием о назначении четвертым, самым младшим, помощником. С волнением он впервые поднялся на борт ледокола «Ермак», легендарного творения адмирала Степана Осиповича Макарова. Юрий Сергеевич предстал перед Михаилом Яковлевичем Сорокиным, храня в сердце заветы и наставления своего дорогого отца: быть настоящим коммунистом, посвятить весь свой талант и знания службе Родине. Их встреча состоялась в Ленинграде на семнадцатой линии Васильевского острова пятого января 1945 года. В этот день Юрий Сергеевич в первый раз выслушал заповеди своего учителя, которым остался верен навсегда. Некоторые из них я привожу почти дословно. Михаил Яковлевич внимательно посмотрел в глаза молодому помощнику и сказал: «Юноша. Вы горных кавказских кровей, но запомните, чтобы стать полноправным капитаном никогда не увлекайтесь судовыми дамами, считайте, что это удел механиков. Будьте всегда прямодушны и беспощадно требовательны к себе и особенно нетерпимы к проявлениям лжи, лицемерия, доносительства, угодничества. Научитесь беречь и уважать тяжелый труд кочегаров, машинистов, механиков. Помните: если они не выдадут нужной мощ-

ности, то мы с вами на мостике суть ноль без палочки». Это напутствие учителя, вспоминает Юрий Сергеевич, стало еще более актуально при появлении атомных ледоколов. Он до сих пор словно слышит слова учителя: «Помните, в любой аварийно-экстремальной ситуации капитан несет полную ответственность, даже если он отсутствовал на мостике. Перекладывать вину на кого-либо из подчиненных до полного расследования обстоятельств, трусости подобно». Эти наставления учителя, высочайшую честь коммуниста отца, нестигаемую, мужественную; глубочайшую мудрость матери пронес Юрий Сергеевич по жизни как святое знамя.

С каким теплом он, вспоминает наше чистое честное поколение, которое росло и мужало под девизом, в чем он убежден абсолютно точно, сталинской национальной политики. Все малочисленные народы Советского Союза своим всесторонним развитием обязаны Октябрьской революции. Советской власти, великому русскому народу под руководством коммунистической партии. Юрий Сергеевич глубоко вздохнул и вновь произнес: «Это было действительно явью, а не декорацией». Я слушала его красивую восторженную честную речь, и думала, о том, каким он сам является справедливым, искренним, честным, непобежденным, волевым, гордым, доброжелательным и доступным. Юрий Сергеевич, в КПСС был принят в 1948 году в декабре, на бюро Куйбышевского района Ленинграда. И этим он очень дорожит, но жалеет о том, что не стал профессиональным защитником Родины, хотя участвовал в Великой Отечественной на море в составе арктических конвоев. Каждая строка его биографии вызывает восхищение и уважение. Его заслуги перед Родиной отмечены правительством страны. За осуществлением в 1977 году похода атомного ледокола «Арктика» в район Северного полюса присвоено звание

Героя Социалистического труда. Кроме этого он награжден орденами Ленина. Трудового Красного Знамени, Отечественной войны второй степени, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над фашистской Германией» и другими. Почетный полярник, почетный работник морского флота, член Географического общества СССР, почетный гражданин городов Владикавказ. Алагир и Пригородного района республики Северная Осетия - Алания. Почетный капитан атомного ледокола «Арктика».

Я внимательно слушала Юрия Сергеевича и думала: о. Боже, как же вместил он в себя столько прекрасных качеств, такое мужество и трудолюбие, смелость и решительность, доброту и чуткость, правдивость и открытость. «Правда, - говорит он, - по характеру я вспыльчив, и это качество, порой мешает объективности, но умею признать свою ошибку и извиниться. Тем более что действую всегда бескорыстно и в интересах дела». Я понимаю, что такому человеку как Юрий Сергеевич трудно переносить разгильдяйство, пьянство, ложь, ханжество, подхалимство. Вот он весь здесь, какой есть: верный товарищ, друг, преданный муж.

Когда он заговорил о своей жене Нинель Константиновне Алексеевой, его глаза поменяли цвет и объем. Они стали более широкими, открытыми с мягкой поволокой тех глубинных чувств, на которые способен настоящий мужчина, верный и преданный друг. Они с Нинель познакомились на Диксоне. Юрий Сергеевич глубоко вздохнул, видимо, купаясь в памяти, и с душевностью произнес: «Она, Нинель, в ту пору проявила большое гражданское мужество, соединив свою жизнь с политически отверженным простым матросом. Была она прекрасной души человеком, верным надежным другом моряка. К сожалению, из-за болезни сердца в 1999 году ее не стало. У нас трое

взрослых детей, двое внуков, внучка и двое правнуков». Он на определенное время замолчал, в глазах появился до сих пор незнакомый мне блеск, но тут же потух.

Юрий Сергеевич вновь озарил меня светлой открытой улыбкой и произнес: «А знаете, мне домашние тогда не разрешали жениться на русской. Но мы с Нинель уже выполнили ранее наш договор не встречаться и ждать друг друга три года. Любимая мама приехала к нам, когда у нас уже было трое детей. Погостила месяц и вдруг просит Нинель сходить в магазин, а мне надо, мол, поговорить с сыном». Юрий Сергеевич немного насторожился, но его душевная мудрая мама Любовь Васильевна строго сказала сыну, чтобы он не только реально, но даже мысленно не изменил этой прекрасной женщине. Да, это была его мама, какой он ее знал и какой гордился. Об этом не надо было спрашивать. Уважение и любовь к матери светились в его глазах, играли на лице, слышалась в интонациях голоса. А мне все больше и больше хотелось узнать все о Юрии Сергеевиче, и я совсем осмелела и задавала ему один вопрос за другим. Спрашиваю: «Юрий Сергеевич, какие качества вы больше всего цените в человеке?» И он тут же, не задумываясь, отвечает: «Важнейшей добродетелью, считаю верность по всему позитивно-нравственному спектру. Солидарен с определением скромности по словарю С.И.Ожегова, но только в сочетании с мерой собственного достоинства, а не самоунижения, иначе скромность превратится в комплекс неполноценности. А по всем остальным параметрам личного дела полагаюсь на объективную критику соратников».

Тогда я, не задумываясь, не откладывая в долгий ящик, решила поговорить с Ламеховым Анатолием Алексеевичем, капитаном атомохода «Россия». С тем Ламеховым, который ходил на Северный полюс

старпомом на ледоколе «Арктика» с Юрием Сергеевичем Кучиевым который в 1983 году на атомоходе «Россия» спасал тонущие корабли и проводил караваны судов на дальний север, за что ему было присвоено звание Героя Социалистического труда. Мне хотелось как можно скорее переговорить с Анатолием Алексеевичем, но на дворе июль, и он на даче. Правда была надежда найти его, так как у него, как и у меня, садовый участок находился на станции Дунай, не доезжая Петрокрепости. Но это было очень сложно - слишком большое садоводство, огромная территория, десятки тысяч участков.

Вдруг внучка Катя подает мне мобильник и говорит: «Бабушка, ты кого-то ищешь? Позвони, может, он в городе». Я набрала номер, и действительно, в трубке раздался голос Анатолия Алексеевича, который приехал в город буквально на несколько часов, заплатить за квартиру. Я конечно от радости тут же выпалила свою просьбу и спросила, как его найти. А он: «Что вы, я вас сам найду». Я улыбнулась, подумала: никуда не денешься, настоящий ученик своего учителя.

Вскоре мы сидели за столом в маленьком летнем доме. Перед нами исписанные листы бумаги, которые я не убираю со стола. Я посмотрела на этого дышащего здоровьем капитана и не выдержала и подружески пошутила: «Я смотрю на вас Анатолий Алексеевич можно еще пахать и пахать, а вы на пенсию ушли, или вас ушли?» «Нет, что вы, ко мне даже у врачей не было никаких претензий, а руководство, министерство просили остаться. Но я выполнил просьбу домашних, жены и дочери, которых мало видел». И, не дожидаясь моего вопроса, заговорил: «Я горжусь тем, что являюсь учеником Юрия Сергеевича Кучиева, счастлив тем, что находился на атомном ледоколе «Арктика» старпомом. Вспоминаю, когда мы пришли на Северный полюс, достигли той точки планеты, которой пытались достичь самые отваж-

ные мореплаватели, но куда первым пришел на «Арктике» именно Кучиев. Кто такой капитан атомного ледокола «Арктика» знал весь Советский Союз, весь мир. Тогда газеты наперебой называли этот рейс триумфом советской науки и техники, сравнивая с полетом Гагарина. - Анатолий Алексеевич ненадолго умолк». Затем встрепенулся, пожал плечами и, купаясь в своих мыслях, произнес: «Юрия Сергеевича знали не только как героя - это звание ему было присвоено - а потому, что он первым дошел на ледоколе до той точки нашей планеты, где сходятся все земные меридианы. Он же патриарх ледокольного флота, начинал еще на первом в мире полярном ледоколе «Ермак», ходившем на угле, а на полюс пришел на самом мощном в мире ледоколе с атомным двигателем». Анатолий Алексеевич рассказывал о своем учителе, соратнике, друге с такой любовью, гордостью и восхищением, что даже сделался совсем молодым красивым, как расцвел. А такое может происходить с человеком, особенно с таким серьезным человеком, только когда в его искренней душе есть настоящее глубокое человеческое чувство.

Солнечный луч через оконное стекло играл на его плече, затем падал на кисть руки, которая, казалось, тоже хочет говорить. Я слушала его и думала: «А знает ли Юрий Сергеевич вот об этой искренней гордости своего ученика?» А Анатолий Алексеевич, словно посмотрев в прошлое, произнес: «А знаете. Юрий Сергеевич очень строгий учитель, порой жесткий, требовательный. Ведь служба на корабле требует высочайшей дисциплины, точного выполнения распоряжений». Затем взгляд его упал на желтые цветы, стоявшие на столе, скользнул по мне, и он продолжал: «Ведь служба на кораблях - это то место, где разгильдяйство, расхлябанность, лживость, угодничество, пьянка неприемлемы. И требования Юрия Сергеевича, пусть даже жест-

кие, были не только оправданы, а просто необходимы. Конечно, были такие люди, которым, может, такие требования не по нутру. Правда Юрий Сергеевич может сорваться, вспылить, но только не из-за личного каприза, а из важности дела. Но потом он сам не считает зазорным извиниться перед любым членом экипажа. Знаете что, Татьяна Михайловна, - как-то чуть ли не настороженно он обратился ко мне, - как сложно быть по несколько месяцев на корабле, кругом лед, лед, лед. И в праздники, и в будни. Это не объяснишь, такое, чтобы понять - прочувствовать надо. И вот Юрий Сергеевич понимал. На корабле накроют столы, соберется свободная от вахты часть экипажа, и хоть сам Юрий Сергеевич не пьет и ненавидит пьянство, но в эти моменты разрешал, как говорится, боевые сто грамм. Все расслабят, шутки, прибаутки, анекдоты снимут в суровой обстановке напряжение. Притом Юрий Сергеевич умел это делать в самое нужное для людей время. То, что он проявлял отеческую заботу о каждом члене экипажа, это, несомненно. Глубоко уважал любой труд, высоко ценил человека и боролся за него, порой даже с ним самим». Анатолий Алексеевич говорил со мной, а сам в мыслях был там, во льдах, рядом с Юрием Сергеевичем.

«А вы заметили, какой яркий горский огонь в его глазах? А ведь ему буквально через месяц исполняется восемьдесят пять лет. Совсем недавно, в 2002 году мы вместе летали на Северный полюс на небольшую дрейфующую станцию. Представьте себе человека в восемьдесят три года живущего на льдине, где многие люди и не такого преклонного возраста не смогут и сутки провести. Ведь у человека там, как заноза в голове сидит мысль, что под ногами, под хрупким льдом бездна Ледовитого океана. И представьте себе жизнь в палатке, где туалет за ближайшим торосом, а мороз на улице под сорок градусов. Да,

человек он редкий по своей натуре, совсем не тот, кто хочет коротать время в тепле и уюте». Анатолий Алексеевич говорил, а я от души радовалась, думая: какое же счастье, если в восемьдесят три года можно на все трудности жизни махнуть рукой. А в ответ слышу слова Анатолия Алексеевича, притом сказанные с удивлением: «А знаете, он же по настоящему никого и ничего не боится. Это просто загадка как так - человек живой, и абсолютно лишен страха, причем это не слова, а реальность. А таких людей, гигантов, как называют Юрия Сергеевича, есть за что уважать, а некоторым, более слабым и самолюбивым есть, за что и ненавидеть. Заедает черная зависть. И тут ничего удивительного в этом нет: люди-то все разные». Затем он улыбнулся, даже рассмеялся и произнес: «Мне ой доставалось от Юрия Сергеевича, как говорить: получал по всем швам. Но за то, покидая капитанский мостик, по настоянию врачей, которым он в пылу гнева сказал: «Да я вас всех переживу, я же здоров как бык». Его слова оказались пророческими. Так вот, покидая капитанский мостик, он с уверенностью позволил мне занять его место. О, этот удивительный человек. А когда..., - и он не договорил, фразу махнул рукой и произнес, - Не поверите, нас с ним и еще группу моряков откомандировали на Балтийский завод, когда строился мощный атомоход «Арктика». Им было подано много предложений по усовершенствованию судна, часть из них была учтена и внедрена». Я смотрела на Анатолия Алексеевича и, улыбаясь, думала: «Никуда, никуда не денешься, чувствуется, чей он ученик, если так скромничает». А я и без него уже слышала, что около шестидесяти предложений было внедрено при строительстве атомохода. Юрий Сергеевич был за эту работу награжден орденом Трудового Красного Знамени, а Анатолий Алексеевич медалью «За трудовую доблесть». А он даже порозовел и сказал: «Не пишите об

этом, неловко о себе говорить». Господи, почему же так бывает: о ком надо говорить, даже необходимо рассказывать, кто - наша история, стесняются, скромничают, а те, кто не внес и малейшей части того, кричит о себе на всех перекрестках. Как же сложен человек, и мир, в котором он живет.

Когда Юрий Сергеевич и Анатолий Алексеевич в 2002 году летали на Северный полюс, это был год двадцати пятилетия покорения северной вершины. Тот день, двадцать пять лет назад, когда «Арктика» достигла пика планеты, был самым счастливым днем для Юрия Сергеевича. И мне вспомнились слова его самого, с каким глубоким чувством он рассказывал об экипаже «Арктики»: «Это же Люди, - говорил он, - высочайшие профессионалы». И вдруг в его голосе появилась новая нотка, нежная, уважительно звучащая: «А знаете, Татьяна Михайловна, что настоящими героями этого рейса были инженер-гидролог Валерий Лосев и пилоты вертолета Виталий Петров и Евгений Миронов. Представляете, они свыше шестидесяти часов провели в воздухе, отыскивая для нас наиболее безопасную дорогу к полюсу. И все это время они рисковали жизнью, летали в любую погоду на малых высотах. Поверьте мне, я знаю, какая у бортового вертолета в Арктике рискованная работа, и очень жаль, что никому из них не присвоили звания Героя. Но самая большая трагедия в том, что жизнь одних из лучших ледовых разведчиков Валерия Лосева и Евгения Миронова закончилась трагически: через много лет они разбились в Арктике на вертолете».

Я слушала Юрия Сергеевича и задавала ему вопросы. Но на каждый из них он старался отвечать так, как будто хотел, как можно больше, скрыть свои заслуги, а на передний план выдвигал своих соратников. Когда вопрос касался его лично, то мне казалось, он к

беседе терял интерес. Затем вновь говорил о других людях красиво поставленным голосом, четко выдает фразу за фразой. Именно в такие минуты легко уловить его орлиный взгляд горца, и сам он становится намного моложе, раздвигаются брови, разглаживаются морщины у глаз. Мне показалось, что у него выпрямилась спина, напряглись хорошо сохранившиеся мускулы. Возможно, неудобно мне об этом писать как женщине. Но как раз женщине с ее особенностями тонкого восприятия окружающего мира видней. Я видела каждую черточку его лица, которые имеют свою историю, их не перепутаешь, каждая из них может о многом говорить. А Юрий Сергеевич старался что-то увидеть во мне. И я это понимала, но его тактичность и понимание моих мыслей немного смущали, и я умолкала.

Второй год пошел с тех пор, когда я потеряла своего мужа, с которым прожили 54 года. И как только его не стало, в квартире стало все ломаться, рушиться, отваливались дверцы шкафов, расклеились стулья, многие из них качаются. Я видно от волнения поставила Юрию Сергеевичу такой стул. Со временем он почувствовал его неустойчивость, поняла и я. И мы, скрывая друг от друга эту тревогу, пытались не заострять на этом внимание. Вскоре он встал и сказал: «Думаю, на сегодня достаточно поговорили, если надо будет, то еще встретимся». Даже здесь, где идет разговор о нем, он волновался, только за меня, начисто отбросив свой интерес. Я хочу подчеркнуть этим эпизодом особую чуткость, внимательное отношение к человеку, занимавшие в его характере первое место, и эти удивительные качества не спрячешь, не утаишь.

Во время разговора с Анатолием Алексеевичем мне вспомнился этот эпизод, потому, что он как раз говорил об этих качествах своего учителя. Мы с Анатолием Алексеевичем выпили по чашке кофе, не-

надолго перевели разговор на другую тему, а потом опять сели к столу. Вдруг он неожиданно произнес: «А ведь он, Татьяна Михайловна, однолюб, был верен и предан своей Нинелечке, так ласково он ее называл, свою любимую единственную женщину». Анатолий Алексеевич уважительно говорил о семье Юрия Сергеевича, о Нинель и детях и, конечно, о Юрии Сергеевиче, человеке простом и сложном, мудром и смелом, верном и преданном, которому в своей жизни пришлось многое пережить.

«Да, - произнес Анатолий Алексеевич, - Юрий Сергеевич умеет ценить каждого человека встретившегося ему на пути, но оценку он дает разную, как говорится, по заслугам, даже если это друзья или близкие люди». А передо мной вновь предстал Юрий Сергеевич, когда рассказывал о своей любимой Нинельке. «Ой, Татьяна Михайловна, как же ей было нелегко, да что там нелегко, невыносимо сложно и трудно. Ее отец был политработник, сотрудник политотдела партии на Диксоне, страшно гордился именем своей дочери, названной в честь Ленина, а она вдруг равнодушна к сыну врага народа. Нинель неоднократно вызывали «куда надо» и запрещали им встречаться, но она выбрала меня, молодого матроса». А я вновь вспомнила другие слова, высказанные Юрием Сергеевичем: «Моя Нинелечка была прекрасной морячкой, женой и очень волевым человеком». «Знаете, - он обратился ко мне, - она смогла от меня, мечтающего о потомстве, скрыть, что она от рождения больна пороком сердца, и ей категорически запрещено рожать, и подарила мне двух сыновей и дочь». Я очень внимательно слушала, когда он говорил о жене, и мне было понятно, что он глубоко в душе пробегал в памяти по дорогам их совместной жизни. И по выражению на лице, блеску глаз угадывалась его тревога, и даже неудовлетворение – он находил, за что себя упрекнуть, где-то недо-

любил, что-то не заметил, не понял, не увидел. Возможно, были такие минуты, когда она готовила себя к их встрече, шила новые наряды, а он под громадой мыслей прошел мимо этого, не заметил. Эти думы, давившие его виски, он пытался от меня скрыть. А думы-то все равно были видны, и это вполне естественно для человека, который умеет ценить свою спутницу жизни. Возможно, не надо писать мне так откровенно, и я заранее прошу у Юрия Сергеевича прощения. Но как раз такие мысли могут жить в душе сильно волевого человека, у кого нет места в душе малодушию, самоуспокоению, безразличию.

Так вот он какой, легендарный капитан атомохода «Арктика», звездный капитан, как его называли, ставя в один ранг с Юрием Алексеевичем Гагариным. Подтверждением этому передо мной лежит газета со снимком, где они крепко жмут друг другу руки, с подписью: «Два Юрия – Звездные Капитаны». Я все это обдумываю, вспоминая, а рядом все слышится голос Анатолия Алексеевича: «Строгий, требовательный, бесстрашный, высококвалифицированный, чуткий к человеческой боли человек. Которому и сейчас спокойно не живется, он на правах старейшины атомного ледокола «Арктика» беспокоится, даже борется за судьбы убеленных сединой механиков, машинистов, матросов, атомщиков, за тех, кто сегодня оказался, как говорится за бортом идущего в будущее корабля, он стыдится за их судьбы. На всех уровнях говорит, требует, просит оказать им должное внимание, по их заслугам в области освоения атомного ледокольного флота. Борется с пошлостью, с искажением истины, с издевательством над советской историей, с занижением достижений в области науки и техники, за авторитет российского флота. Чему может послужить примером письмо, которое прилагается к тексту.

Героика «Советской империи» в Арктике - благо для России!

Недавно посмотрел ТВ передачу по программе «Россия» под названием «Советская империя». Атомоход «Ленин». Меня самого весьма настойчиво звали принять участие в этом документальном фильме как профессионала, имевшего некоторое отношение к замечательному первенцу Советского атомного ледоколостроения. Но я категорически отказался из принципиальных соображений, поскольку не имел на то морального права: в условиях рыночной бюрократии не выполнил святого долга старейшины перед Ветеранами атомного ледокольного флота, оказавшихся в беде. Однако, понимая здоровый интерес граждан страны к судьбе атомного ледокола «Ленин», рекомендовал тележурналистам пригласить для участия в фильме капитана атомного ледокола «Россия» Анатолия Алексеевича Ламехова, бывшего боевого старпома атомохода «Арктика», и одного из самых авторитетных Ветеранов атомного ледокола «Ленин», прошедшего путь в составе первого экипажа от машиниста до Главного инженера – механика - Виктора Александровича Мизгирева.

Скажу прямо, если бы заранее знал о сценарии передачи, а главное - о негативной тональности материала, не было бы в фильме и этих заслуженных моряков. И вот почему. Под эгидой свободы правдивого слова наметилась недобросовестная тенденция свободы вранья или же сознательного уклонения от позитива в угоду огульному очернению героических времен «Советской империи», которой по праву гордилась наша некогда Великая держава, и восхищался весь Мир! Кроме закоренелых злопыхателей и ненавистников Советского Союза! Поэтому, отменяя собственное табу, вынужден внести некото-

рую ясность.

По стечению обстоятельств многие овеянные славой подвиги советских людей в мирное довоенное время свершились в Арктике и оказали глубокое воздействие на формирование духовности многих поколений истинных патриотов нашей Родины - будущих победителей фашистской Германии в годы Великой Отечественной Войны! Вот они эти незабываемые события: 1928 год. Знаменитая Красинская эпопея спасения потерпевшей катастрофу в высоких широтах Арктики итальянской экспедиции Умберто Нобиле. Весь мир рукоплескал профессору Рудольфу Лазаревичу Самойловичу, капитану Карлу Павловичу Эгги и его старшему помощнику Павлу Акимовичу Пономареву - будущему первому капитану атомного ледокола «Ленин», боцману Игнату Кудзелько, летчику Борису Григорьевичу Чухновскому, как и всему экипажу Краснознаменного ледокола «Красин». Я имел честь знать лично К. П. Эгги и П. А. Пономарева - блестящих мастеров ледового плавания, у которых учился тонкостям ремесла ледокольника.

1932 год. Потрясающий по мастерству и отваге экипажа переход из Белого моря в Берингов пролив за одну навигацию парохода «Александр Сибиряков» под руководством капитана Владимира Ивановича Воронина и начальника экспедиции Отто Юльевича Шмидта того самого героического «Сибирякова», который погиб в неравной схватке с фашистским линкором «Шеер» в 1942 году!

1933-34 годы. Выдающееся автономное плавание парохода «Челюскин», и опять с капитаном В. И. Ворониным и начальником экспедиции О. Ю. Шмидтом, через ледовые массивы от Новой земли до Чукотского моря. Трагическая гибель парохода «Челюскин» в тисках сжатия, челюскинская эпопея, ледовый лагерь челюскинцев, спасение терпящих бедствие и первые Герои Советского Союза.

1937 год. Беспрецедентный подвиг советских летчиков и руководства Главсевморпути, организовавших дрейфующую полярную станцию «СП-1», папанинцы, и опять новые Герои Советского Союза.

1937 год. Сенсационные беспосадочные перелеты из Москвы в Америку через Северный полюс отважных экипажей Героев Советского Союза Валерия Чкалова и Михаила Громова.

1938-40 годы. Феноменальный 3-х летний дрейф ледокольного парохода «Георгии Седов». Благополучный исход. 15 Героев Советского Союза.

И, наконец, в послевоенное время (1950-51гг) дрейфующая полярная станция «СП-2», возглавляемая Героем Советского Союза Михаилом Михайловичем Сомовым, начавшая новую эру систематической организации Советских дрейфующих станций в центральном полярном бассейне.

Из всей этой героической панорамы авторы передачи извлекли: гибель «Челюскина», дрейфующие полярные станции «СП-1» и «СП-2», без всякой логической связи приплюсовав к ним атомоход «Ленин». И сделано - это с единственной целью: хоть как-то опорочить славнейшие страницы покорения Арктики в эпоху «Советской империи». Давайте разберемся.

Автономное плавание слабосильного обычного грузового парохода «Челюскин» от Новоземельского до Чукотского ледового массива стало выдающимся событием в поэтапном и планомерном освоении Северного Морского Пути имеющимися в наличии транспортными средствами. Корпус судна был действительно слабым, но «Челюскин» успешно преодолел льды трех арктических морей, и только захваченный губительным сжатием коварного чукотского массива, погиб. Ссылка на какого-то импортного авторитета о неизбежности этой катастрофы - не состоятельна! А разве железный швед Нильс

Норденшельд на своем зверобойном пароходике «Зега», как и Великие викинги Арктики Фритъеф Нансен на «Фраме» и Руал Амундсен на «Моде», не рисковали погибнуть в неизвестности, как и наш отважный соотечественник Георгий Львович Брусилов на ихуне «Святая Анна» или отчаянный американец Де-Лонг на яхте «Жанетта», которые погибли в неравной схватке с арктической стихией? Еще в 1932 году и В.Воронин, и О. Шмидт имели уже опыт благополучного исхода плавания на «А. Сибирякове» Северным морским путем: несмотря на разрушение гребного винта, пароход прорвался тогда, в Берингов пролив «на большевистском упорстве», как снисходительно - насмешливо вещает молодой телеведущий. На самом же деле помогла смена ледовой обстановки и спасло мужество и мастерство экипажа! Большие бы подобного «Большевистского упорства» в любом деле, милостивые государи, и Россия не оказалась бы в долговой яме!

Несмотря на значительный прогресс в ледокольно-транспортном судостроении, арктическая ледовая стихия все еще остается опасной и для современных судов ледового класса - в 1980 году в караване атомохода «Арктика» в море Лаптевых погиб теплоход «Брянск-лес», а в 1983 году случилась катастрофа в караване ледокола «Капитан Сорокин», в условиях жестокого сжатия ушел на дно теплоход «Нина Сагайдак» в том самом Чукотском море, которое поглотило «Челюскин». Учитывая опыт арктического мореплавания, судостроители создают прочные транспортные суда, но на максимальные сжатия рассчитаны корпуса только линейных ледоколов. Так что, нет никаких оснований, подозревать Академика Отто Юльевича Шмидта и потомственного помора, опытного полярного капитана Воронина Владимира Ивановича в авантюризме и в заранее запланированной катастрофе. Какой-то бред! Они занимались

нужным для Государства делом в интересах вовлечения, в экономику страны богатств Чукотки, Таймыра и Ямала! А в момент гибели судна проявили стойкость и распорядительность, осуществив организованную эвакуацию людей, выгрузку необходимого снабжения и организацию на дрейфующем льду в зоне опасного сжатия знаменитый лагерь челюскинцев! И правильно, что все участники экспедиции были удостоены боевого Ордена «Красной звезды», а отважные летчики, вызволившие челюскинцев из ледового плена, стали первыми Героями Советского Союза - Анатолий Ляпишевский, Василий Молоков, Михаил Водопьянов, Николай Каманин. Сигизмунд Леваневский, Иван Доронин и Маврикий Слепнев. Честь им и заслуженная слава! А торжества в Москве были посвящены не гибели судна, а мужеству и героизму челюскинцев и их спасателей. Без опасного и рискованного опыта первопроходцев не был бы создан мощный современный ледокольный и ледокольно-транспортный флот, без которых богатства Арктики оказались бы недоступными. И не надо грязных намеков с пароходом «Пижма», которого там не было.

Сам факт десантирования четырех тяжелых бомбардировщиков грузовой модификации на неисследованный дрейфующий лед с возможно скрытыми снегом опасными застругами - это действительно великий подвиг. И потому, совершенно закономерно, руководству экспедиции - О. Ю. Шмидту, М. И. Шевелеву, И. Д. Папанину, флаг-штурману И. Т. Спирину, а также летчикам М. С. Бабушкину, И. П. Мазуруку и И. Д. Алексею было присвоено звание Героя Советского Союза, а Герои Советского Союза командиры машин М. В. Водопьянов и В. С. Молоков были награждены орденами Ленина (Звания дважды Героя еще не было), а папанинцы П. П. Ширшов, Е. К. Федоров и Э. Т. Кренкель. Стали кавалерами Ордена Ленина (по

окончанию дрейфа они тоже стали Героями Советского Союза). А что зазорного в том, что счастливые победители, рисковавшие жизнью во имя достижения поставленной цели, подняли на Северном полюсе Государственный флаг СССР и полотно с портретом Вождя страны - Иосифа Сталина?! И это не голая «Большевистская пропаганда», а констатация факта силы духа наших соотечественников и технического могущества страны! Сожалею, что признанный лидер полярников России отважный Артур Чилингаров, поддавшись на смешливой нотке ведущего, балагурно прокатился по «Большевистской пропаганде» папанинцев, героическому примеру которых всегда следовал сам, как и мужественные полярники дрейфующих станций Арктики и бесстрашные исследователи Антарктиды! Полярная станция «СП-1» была организована, главным образом, для обеспечения исторических перелетов экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова через Северный полюс в Америку на одномоторных самолетах «АНТ-25» и во многом способствовала успеху этих исторических перелетов. А гидробиолог П. П. Ширков и геофизик Е. К. Федоров - будущие Академики АН СССР - вели на «СП-1» запланированные научные наблюдения. Возможно, что при этом выполнялись и военно-прикладные задачи, необходимые для обороноспособности страны. А что в этом предосудительного?! Дрейфующая станция Михаила Михайловича Сомова - «СП-2» не могла быть тайной для ВВС США, совершавших регулярные облеты приполюсного района. А, секретная деятельность «СП-2», если она имела место, как и многие другие секретные задачи Государства, не должна быть предметом обсуждения на рынке словоблудия. Все это относится и ко всем другим дрейфующим лабораториям до «СП-32» включительно,

персонал которой во главе с Владимиром Кошелевым совсем недавно с честью справился со своими задачами и был своевременно эвакуирован отважными вертолетчиками. Значит, живы и продолжают героические традиции папанинцев! Что же касается особого задания, по которому якобы М. Сомов в случае ЧП должен был уничтожить станцию, и ее персонал, то это версия вызывает большие сомнения, поскольку такая задача непосильна одному человеку. А, кроме того, Михаил Михайлович по складу своего гуманного характера не мог нанести удара в спину своим товарищам. Не пристало иронизировать и по поводу склонности Дважды Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина заниматься своим маузером, которым владел со времен Гражданской Войны, героем которой он тоже был в гордом звании Чекиста! Если даже это хобби и имело место, то оно, видимо, помогало расслабиться усталому человеку после тяжелых психофизических нагрузок в лютую стужу и после утомительной работы с ручной гидрологической лебедкой при глубине океана около 4-х тысяч метров?! Не каждому дано выдержать экзамен на дрейфующей полярной станции даже при современном сравнительно обеспеченном «комфорт».

Арктика - не страшилка, но она была и остается краем суровым, опасным и не терпящим дешевого саморекламного шоу и зубоскальства перед кинокамерой. Из героев папанинской эпопеи неоднократно встречался с Иваном Дмитриевичем Папаниным и хорошо знал Марка Ивановича Шевелева. Одно общение с этими легендарными людьми всегда вселяло радость. Они до последних дней были готовы к выполнению любого задания Отечества! М. И. Шевелев, которого знал еще молодым

полковником, уже 73-х летним генерал-лейтенантом Aviации обеспечивал стратегическую ледовую разведку для успешного прорыва атомного ледокола «Арктика» к Северному полюсу. И он же первым поздравил нас с успехом. Сразу же после похода «Арктики» навестил И. Д. Папанина на его даче под Москвой. Великий полярник, поздравив, воскликнул: «Почему меня не взяли с собой на макушку Земли?!» А было ему в ту пору 83 года.

Наша страна своим обширным главным фасадом обращена к морям ледовитого океана и дрейфующие полярные станции по-прежнему необходимы, тем более с наметившимся глобальным изменением климата. И пора подумать о применении для этих целей списываемых с активного плавания полярных ледоколов, способных противостоять сжатию льда, гарантировать надежность и безопасность персонала, принимать вертолеты на стационарную площадку. И почему бы не сделать такие станции международными по примеру космических?!

Пророческий гений нашего Великого соотечественника адмирала Степана Осиповича Макарова, создавшего первый в мире полярный ледокол «Ермак», и строительство «Советской империей» мощного арктического ледокольного флота, - не мания величия и абстракция, а реальное понимание того, что будущее России совершенно немыслимо без богатств Заполярья и Советской Арктики. По замыслу и под непосредственным Руководством наших выдающихся современников-академиков Игоря Васильевича Курчатова и Анатолия Петровича Александрова в Советском Союзе был создан первый в мире атомный ледокол «Ленин». Разумеется, его первый ядерно-энергетический комплекс с 3-х реакторной установкой был далек от совершенства и давал сбои: захлебывалась система охлаждения главных

турбин, часто срабатывала автоматическая защита реакторов, текли парогенераторы, появлялась течь первого контура, вынося активность, и другие неисправности и аварийные ситуации. Названный в фильме начальником службы радиационной безопасности, насквозь пропитанный радиацией и пылуший здоровьем господин Горбачев, нарисовал жуткую радиационную картину на ледоколе. Но, он «забыл» сказать о самом главном: за все время 30-ти летней эксплуатации первого атомохода экипаж, состоящий из добровольцев, патриотов и профессионалов высочайшего уровня не допустил ни одной аварии, опасной для персонала и для окружающей среды! С вступлением в строй атомного ледокола «Ленин» свершилась техническая революция в стратегии и тактике арктического мореплавания. Для меня стало откровением, что Виктор Мизгирев оказался на первом атомоходе под угрозой какого-то придурка - замполита Училища, но могу ответственно заявить, что подавляющую часть первую экипажа атомного ледокола «Ленин», составляли добровольцы - энтузиасты, ставшие профессионалами высочайшего класса, которыми может гордиться Нация! В том числе и Виктор Мизгирев, преодолевший естественную робость и ставший одним из самых почитаемых в среде атомоходцев специалистом экстра-класса и кавалером Ордена Ленина. Именно этим умным и образованным ребятам, а ныне убеленным сединой Ветеранам, непосредственно управлявшим энергетическим комплексом, Страна обязана освоением и внедрением на морском транспорте ядерной энергии! И неслучайно академик А. П. Александров назвал их признанными ассами уникального стенда, каким оказался атомный ледокол: ни одна ядерная установка в мире не испытывает таких ударных нагрузок и ускорений при работе во льду, и подобных резких скоростей, изменения тепловой мощности по

всему рабочему диапазону!

На мучительном опыте эксплуатации первой ядерной установки, когда успех и безопасность решали только надежные кадры патриотов и профессионалов, были спроектированы и построены атомные ледоколы второго поколения типа «Арктика». И многолетним опытом неопровержимо установлено, что в арктическом судоходстве атомным ледоколам с надежными, стабильными кадрами профессионалов в обозримом будущем альтернативы нет! Таково главное значение первого в Море атомного ледокола «Ленин»! И это понимали не только сторонники «Советской империи». Я был свидетелем тому, как отреагировал Мэр Анатолий Александрович Собчак на вопрос о постановке на вечную стоянку атомного ледокола «Ленин» в Санкт-Петербурге после выхода из кампании: «Я согласен! Это - выдающееся творение отечественной науки и техники, созданное судостроителями нашего города!»:

И коль скоро снял с себя табу, продолжу очень болезненную тему.

По определению атомные ледоколы могут быть только Государственной собственностью, как и инфраструктура, созданная для них в Мурманске. И одной из главных задач государственных органов должна быть ответственная кадровая политика. Только нравственная надежность, стабильность и профессионализм экипажа может гарантировать грамотную и безопасную работу атомного ледокольного флота.

Несовершенная рыночная экономика с приоритетной ориентацией молодых моряков на материальные блага, как и наглядная, мягко говоря, неустроенность Ветеранов, сильно сократила приток молодых кадров на атомные суда в пользу транспортного флота, где реальная заработная плата, как это ни парадоксально, значительно

выше. В атомном ледокольном флоте уже назрел кадровый кризис. А пополнение экипажей безответственными разгильдяями, может привести к негативным последствиям. Исключая личную заинтересованность и руководствуясь только моральной ответственностью старейшины атомного ледокольного флота, длительное время безуспешно пытаюсь привлечь внимание высших инстанций к этому ненормальному положению. Однако письменные обращения безвозвратно гибнут в недрах безразличной бюрократии или же завершались отписками равнодушных клерков.

А вот пример совсем другого подхода из времен все той же «Советской империи». В Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР об увековечении памяти Л. И. Брежнева была допущена описка, из-за которой имя Брежнева было присвоено не новому атомному ледоколу, а Ордена Октябрьской Революции атомному ледоколу «Арктика», который и был срочно переименован в «Леонид Брежнев». У меня нет никаких претензий к бывшему Генеральному секретарю ЦК КПСС. Более того - благодарен ему за то, что он санкционировал решение о походе «Арктики» на Северный полюс. Но произошел явный нонсенс. Понимая протокольные ограничения Члена ЦК КПСС и тогдашнего Министра Морского Флота Тимофея Борисовича Гуженко, которого глубоко уважаю, решил действовать напрямую. Никого не поставив в известность, отправил короткое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Юрию Владимировичу Андропову с просьбой принять лично «по важному вопросу». Буквально через пару дней на квартире раздался телефонный звонок: «Здравствуйте! с Вами говорит помощник Генерального Секретаря ЦК КПСС Вольский Аркадий Иванович. Вопрос, который Вы хотите обсудить с Юрием Владимировичем, может решить кто-либо из членов Политбюро?» Я

ответил, что решение без Генсека невозможно. Тогда последовало распоряжение: «Срочно составьте, короткую докладную записку и когда она будет готова, сообщите мне по телефону...»

И помощник Генсека назвал мне свой личный телефон?! Вот это была реакция! Короче говоря, был срочно вызван в Москву, но личная встреча с Ю. В. Андроповым не состоялась, потому что он был уже тяжело болен и находился в клинике. Но действуя от его имени. А. И. Вольский активно помог довести решение проблемы до логического завершения: атомному ледоколу «Арктика» вернули его прославленное имя. Вот такое отношение к делу Чиновника Высокого ранга должно служить примером для подражания и сегодняшней плеяде Руководителей всех уровней! Во всяком случае, моряки атомного ледокольного флота благодарны Аркадию Ивановичу Вольскому за доступность, отзывчивость и оперативность.

Располагая кровью составленным проектом радикального укрепления стабильных и надежных кадров профессионалов атомного ледокольного флота и справедливой социальной защиты заслуженных Ветеранов этой отрасли, надеюсь на аналогичную реакцию молодого Министра Михаила Юрьевича Зурабова, ибо в данном случае уверен в наследственной преемственности лучших нравственных и морских традиций. И тогда бы свою задачу Старейшины считал завершённой!

И последнее: руководствуясь, опять-таки, только интересами дела, прошу Президента России, уважаемого Владимира Владимировича Путина, найти время для встречи с моими младшими соратниками-ветеранами атомного ледокольного флота заслуженными капитанами, главными инженерами-механиками и начальниками служб. Убежден, что это общение будет исключительно полезным и значимым, для перспективного развития арктического судоходства нашей Родины!

А чтобы и в этом случае полностью исключить личную заинтересованность, клятвенно снимаю свою кандидатуру!

**Старейшина атомного ледокольного флота,
Почетный капитан атомного ледокола «Арктика»**

19 апреля 2004 года.

Юрий Кучиев

Я передала в руки преемнику Юрия Сергеевича письмо, и он бережно взял его в руки и сказал: «В этом и есть весь Юрий Сергеевич».

А когда Анатолий Алексеевич стал читать копию письма Юрия Сергеевича, он встал, затем сел, потом вновь встал и сказал уже капитанским голосом: «Ведь это же гимн полярникам». Он даже разволновался, О, Боже, какие удивительные люди – покорители Северного полюса. Как влюблены они в свою профессию и Родину, умеющие так гордиться ее успехам и переживать до глубины души об ее неудачах. Сейчас я видела в Анатолии Алексеевиче его учителя Юрия Сергеевича сумевшего воспитать таких верных и преданных высококвалифицированных специалистов, которым подчас приходится выполнять, казалось бы, невыполнимую работу.

Когда он успокоился, мы заговорили о спасательных работах в 1983 году. С нескрываемой гордостью он произнес столько добрых и теплых слов в адрес своего учителя. И вновь вспомнились слова Юрия Сергеевича, гибель транспортного судна «Нина Сагайдак» и возможная катастрофа с другими транспортом, блокированными губительным сжатием льда Чукотского моря, взволновала Юрия Сергеевича, как и всех моряков. И когда руководство ММФ предложило ему лететь в Певек и быть рядом с капитаном «Арктики» А. А. Ламеховым, он, конечно же, согласился. С его слов он поступил так, с единственной целью – помочь начинающему капитану «Арктики» утвердиться в бесспорной роли флагмана, оградив его от высокомерного самоуправства дальневосточных ледокольных асов, что же касается волевых и профессиональных качеств, своего бывшего старпома, то они не вызвали никаких сомнений, и это убеждение подтвердилось. «За блестящее осуществление спасательных операций и проявленные при этом мужество и героизм» Анатолий Алексеевич Ламехов стал

четвертым Героем Социалистического Труда в составе экипажа Ордена Октябрьской Революции атомного ледокола «Арктика».

«Слава Богу, - сказала я Анатолию Алексеевичу, что такого серьезного больше случая не происходило». «Как не происходило, - вырвалось у него, - в 1994 году почти один к одному», «И опять Ламехов спасал?» - может быть не очень красиво, спросила я. «А как же? - ответил он с каким-то юношеским задором, - меня даже представили к званию Героя России. Но, когда узнали, что я уже являюсь Героем Социалистического Труда, а по нашему законодательству нельзя быть дважды Героем, мне был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» III степени. Мы воспитаны учителями верно и преданно, служить Отечеству своему». Я смотрела на его открытое лицо, ловила улыбку и тревогу, А оно, говорило то об одном, то о другом, и это было вполне понятно.

«Юрия Сергеевича называют двигателем Арктики, вы вдумайтесь, - говорил мне Анатолий Алексеевич, - в эти слова и представьте себе, каким профессионалом и авторитетным человеком надо быть, чтобы заслужить столь мощное определение его личности. Он цельный всегда и во всем. Его нельзя разменять, столкнуть с избранного им пути, поколебать его убеждения. Об этом хорошо свидетельствует тот факт, что никому, ни при каких обстоятельствах, а они были очень жесткими, не удалось отнять у него веру в вождей пролетариата И.В.Сталина и Ф.Э.Дзержинского.

Как раз об этом Юрий Сергеевич неоднократно подтверждал в нашей беседе. Он до сих пор убежден, что расстрел в 1937 году его отца – вина ни Сталина, ни Советского Союза, ни Коммунистической партии, а наоборот, это – вина хорошо замаскировавшихся в органах власти врагов молодого государства, которое быстрыми темпами на-

бирало силу. Ими были убраны с постов и расстреляны самые честные и талантливые коммунисты, те, кто искренне боролся за счастье народа и его судьбу. Всю жизнь и до сегодняшнего дня в его квартире видное место занимают их портреты и всю свою непростую жизнь от своих убеждений. Юрий Сергеевич, не отступил ни на шаг. Он продолжал: «О, как я ненавижу предателей, лжецов, лицемеров, подхалимов, угодников. Одним словом, всех тех, кто способен перелицовываться, перекрашиваться, прятаться под другую личину», - с возмущением говорил Юрий Сергеевич.

И действительно, вот он здесь, какой есть, какого знала страна, какому рукоплескал мир. Здравому уму Юрия Сергеевича можно позавидовать. Вот такие люди в нашей ленинградской секции Героев Социалистического Труда, для которых слова Отечество, Родина, являются соловьиной песней. Я, сейчас пишу, а передо мной лежит газета, на ее странице тот снимок двух Юриев – Кучиева и Гагарина, крепко пожимающих друг другу руку, и открыто с особым светом в глазах улыбаются, и на снимке надпись: «Они были первыми, каждый по-своему». И веет от них гордостью и любовью к своему Отечеству, Родине, которую они прославили на весь мир. Конечно, много неприятных, даже тяжелых моментов пришлось пережить Юрию Сергеевичу, но он не унывал.

Я не уставала радоваться тому, с каким теплом в голосе Анатолий Алексеевич рассказывал о Юрии Сергеевиче. Порой казалось, что он говорит, а сам купается в приятных воспоминаниях. Вдруг неожиданно в его речи выделились громко сказанные слова, причем четкие, ясные: «Да, учитель мой бесстрашный человек, он является одним из самых смелых полярных мореходов, а быть таким непросто». «Видели бы вы, - произнес Анатолий Алексеевич, с каким то особым чутьем

и легкой грустью, - как старые льдины смерзаются с новыми, образуя ледовые массивы». Мне стало понятно, что в этот момент они встали у него перед глазами, а, значит, видел он и своего учителя рядом с собой, а Анатолий Алексеевич тем временем продолжал: «Когда я стал капитаном, то стал пользоваться методами Юрия Сергеевича. Не скрою, что это он во мне воспитал смелость. А сам-то он ничего не боится, никогда не прятался в кусты, там, где другие трусили, он рвался вперед и, не смотря ни на что, побеждал. Видно, Юрия Сергеевича судьба за смелость хранила. Он однажды чуть не сгорел. По вине вертолетчика они рухнули. Вертолет моментально вспыхнул. А Юрий Сергеевич чудом выбрался живым, теперь ему лишь пятна на теле от ожогов напоминают о том случае. Видите, - Анатолий Алексеевич обращался ко мне, - он даже тогда не растерялся, не испугался, а случись такое с трусом, выбраться из факела огня было бы невозможно».

А у меня вновь встал перед глазами жгучий взгляд Юрия Сергеевича, когда он произнес слова: «А там все-таки удалось осуществить мечту мореплавателей-исследователей всех времен». Этот взгляд говорил о гордости за научные и технические достижения страны, сотворенные гениальными людьми, строем, который позволил, дал возможность открывать таланты из любых слоев общества и национальностей Советского Союза. Разговор о Юрии Сергеевиче шел откровенный, теплый, даже солнечный луч накрыл стол, как скатерть с бахромой, на высокой белой ромашке устроилась цветастая бабочка, она то раскрывала крылышки, демонстрируя свой наряд, то собирает его как гармошку. В оконное стекло стучится вишневая ветка с красными ягодами, они с любопытством подглядывают в дом с желанием понять, что там происходит, огромный шатер голубого неба спрятал куда-то совсем недавно гулявшие облака. Молодой дуб позволил

своей листве медленные движения, замер куст давно отцветшей сирени, и все это было солидарно с нашим с Анатолием Алексеевичем разговором о его учителе, о других известных людях страны, которые так быстро в обществе забываются, а о них забывать нельзя.

Так запросто меняем своих кумиров именно тех, кем страна должна гордиться, кто оставил след в мировой цивилизации, не говоря уже о своей стране.

Анатолий Алексеевич задумавшись, сказал: «Если вы спросите у меня, есть ли у Юрия Сергеевича враги, я вам отвечу: да, и притом немало, как у всех талантливых преданных Родине людей. Врагов нет только у дураков, которые ничего не делают, а, самое главное, никому не мешают, толкутся себе потихоньку». Анатолий Алексеевич задумался, его взгляд остановился на желтом цветке, стоявшем в вазе на столе.

А мои мысли вновь перебросились к словам Юрия Сергеевича, как он сказал: «Я категорически против излишнего возвеличивания нашего похода». Он очень скромен, когда дело касается лично его. Но как оживает, когда речь заходит о его соратниках, мореплавателях. Мне было тяжело смотреть на него, когда он рассказывал о похоронах механика атомного ледокола: «Советский Союз», называя его по-отечески Юрой П., который оказался в такой нищете, что его хоронили как бомжа. «Я не выдержал, убежал с похорон», - я смотрела на Юрия Сергеевича и видела, сколько в этот момент в его душе было горечи и боли, стыда и разочарования, которое он прятал за еле удерживаемым спокойствием. Потом он глубоко вздохнул, поблуждал в своих мыслях и произнес, обращаясь ко мне: «А знаете, я своим ребятам, ледокольщикам завещал, чтобы меня кремировали, а прах развеяли над Ледовитым океаном вместе с прахом Нинелечки, который хранится в стенном шкафу. Во мне все бушевало, кричало, плакало

и смеялось: о, Боже, какими же людьми богата наша Родина, какие богатыри выросли на ее земле.

А Юрий Сергеевич тогда понял мои мысли и произнес фразу: «А мой папа мечтал меня видеть сталинским соколом, и чтобы я прославил свою Родину», - и надолго замолчал. А я посмотрела на него и ответила: «Сталинским соколом вы не стали, но Родину прославили, горным орлом поднявшись на вершину планеты». А, Юрий Сергеевич неожиданно сказал, совершенно не обращая внимания на мои слова, о том, что убрали Дзержинского с Лубянки, и он считает это преступлением.

По разговору я поняла, что Юрий Сергеевич жалеет, что раньше он не мог выезжать за границу из-за расстрелянного отца. Но он человек высочайшей дисциплины понимал и принимал такую установку, а это под силу только очень сильному и мудрому человеку. Как раз об этой стороне его личности говорил Анатолий Алексеевич, мнение которого я высоко ценю, и которому от Юрия Сергеевича в свое время немало доставалось, именно за это он сейчас благодарит своего учителя. Где бы эти люди ни работали, они обязательно оставляли свой добрый след, и пролег он и через мое скромное жилище и сердце.

Оно погружает в себя все глубже и глубже эти исторические личности, такие, как Юрий Сергеевич Кучиев и Анатолий Алексеевич Ламехов. Эти люди гордятся своей опасной и трудной работой, но столь необходимой нашему обществу, Родине. Слово «Родина» они не устают повторять, ибо в самые трудные минуты жизни они думали и думают о ней, трудились во имя ее процветания, улучшение жизни людей.

Да, то время было именно таким. Они поднимали на подвиги, новые открытия науки и техники, которые шагали гигантскими шагами, они позволили двум Юриям покорить космос и Северный полюс.

Кажется, совсем ни к чему в эти минуты мне вспомнился доклад на совещании СССР, которое проходило в Москве. На трибуну поднялся, тогда только приобретающий большую известность хирург из города Кургана Илизаров. Он рассказывал о научных открытиях в области хирургии, которые просто поражали своим масштабом. Во время перерыва в буфете слышу разговор между двух участников совещания. Один говорит, почему же Илизаров не соглашается переезжать в Москву. Именно в Москве ему предоставят все условия для дальнейшей научной и практической деятельности. Ответ второго человека я не слышала, направилась к стойке буфета. А там впереди через одного человека стоял как раз Илизаров. Его темные глаза излучали особый блеск и свет, черные усы прикрывали верхнюю губу, из-за которой подглядывал ряд белых, здоровых зубов. Тогда эти два товарища подошли к нему и начали объяснять, на сколько улучшится жизнь в Москве. Даже затронули продукты питания. Помню, как в больших темных глазах загорелся огонь гнева, и Илизаров коротко ответил: «Вы меня с кем-то перепутали, неужели я похож на того, человека, который прошел в этот мир фабрикой перерабатывающей пищу. Извините, - и, повернувшись к буфетчице, произнес, - черный кофе». Меня такой ответ просто поразил и удивил, даже поднял настроение.

А сейчас такое хорошее настроение создавали мне Юрий Сергеевич со своим приемником, с которого он много требовал и которому полностью доверял. И это доверие Анатолий Алексеевич полностью оправдал. По таким людям можно судить прошлое время. Именно оно сделало их трудолюбивыми, мужественными, честными, грамотными, целеустремленными, верящими в счастливое будущее.

А это будущее делали они, флагманы трудового и научного фронта. Такие люди вдохновляли и вели за собой творить чудеса. Разве

это не чудеса, что после войны разрушенная страна, но победительница, так быстро встала на ноги шагнула первая в мире в космос, покорила Северный полюс, водрузив на шапке земного шара Красное Знамя СССР. Этот флаг водрузил сын истинного коммуниста Сергея Тимофеевича Кучиева, прославивший на весь мир горный осетинский народ, горный аул Тиб, где он родился. И я вспомнила, когда Юрий Сергеевич приходил ко мне, чтоб обговорить, как и в каком духе должен родиться о нем небольшой рассказ, он сказал: «Не смотря на личную трагедию, я с замиранием в сердце слушаю песню «Широка страна моя Родная», где проживают сотни разных народов, друг на друга опираясь и помогая во всем. В этом наша сила, в этом наша мощь которую хранить, беречь надо, как зеницу ока, - затем обжег меня взглядом и заключил, - надеюсь, вы солидарны со мной», - и стал внимательно перечитывать лежавшие на столе о нем записи. Пока Юрий Сергеевич читал рукопись, я от волнения не знала, куда себя деть. Я хорошо помнила ранее сказанные его слова: «Не люблю, когда обо мне пишут, при том пишут то, насколько они поняли меня и ту работу, которую выполняю. Мало, очень мало кому я позволил сделать обо мне очерк». И тут же ожили слова Анатолия Алексеевича. Он сказал: «Вы, Татьяна Михайловна, должны знать заранее о том, что Юрий Сергеевич, не раз поступал так: прочитает о себе текст и тут же все перечеркнет». Поэтому понятное мое волнение заставило все чаще биться сердечку. А время, как на грех тянулось медленно. И я осознанно приготовила себя к худшему. Наконец Юрий Сергеевич поправил два слова, я перепутала очередность кораблей, на которых он работал, и текст положил на стол со словами: «Пусть этот материал останется жить». И мы продолжили непринужденную беседу. Я ловила каждое сказанное им слово.

С какой гордостью и уважением рассказывал о своей малой Родине Северной Осетии, о ее прекрасных людях. И с явным восхищением продолжал разговор о большой Родине СССР, где проживают сотни разных народов со своими устоями и религией. Юрий Сергеевич на пару минут замолчал, затем вновь блеснул глазами и, я услышала, сказанные с восхищением слова: «Невероятная, гигантская таится сила, когда все наши народы шагают по жизни рука в руке. Друг друга поддерживая, друг на друга опираясь». От сказанных слов у Юрия Сергеевича даже порозовело лицо. Яркий костер огня, полыхнул в глазах, выражая искренность его души и помыслов. В откровенном разговоре он высказал свою точку зрения на нашу трудную и славную историю. Он ни где не затронул свою личную трагедию и обиду, глубоко понимая политическую обстановку прошлого и происходящие сейчас события. В разговоре Юрий Сергеевич был правдив и честен никуда, ни к кому не подстраиваясь и пристраиваясь. «Глубочайшую веру в Сталина, Дзержинского никому у меня не удавалось и не удалось отнять, несмотря на расстрел отца, объявленного врагом народа. Да, какие были великие люди», - четко произнес Юрий Сергеевич и посмотрел в окно, за которым играли солнечные лучи, на подоконник уселся воробей и пролетел сизый голубь.

В этот миг я вновь всмотрелась в лицо Юрия Сергеевича. Оно было особенно выразительным, голос стал мягче в нем, звучали нотки особого душевного подъема и гордости. Юрий Сергеевич говорил, как в 1964 году он был капитаном атомного ледокола «Ленин», подменяя штатного капитана Бориса Макаровича Соколова. Как раз в этот момент на борту корабля принимали первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Об этой встрече Юрий Сергеевич говорил с особой душевностью и теплотой. Два Юрия рассказывали друг другу

о своем нелегком труде и о том, что быть первым в любом большом деле очень непросто и ответственно. Юрий Сергеевич поведал Юрию Алексеевичу о своей давней и не проходящей мечте стать летчиком испытателем. На это Юрий Алексеевич ответил, а зачем Вам быть летчиком, если управляете таким кораблем, на котором можно творить, делать чудеса. Юрий Алексеевич был прав - это чудо произошло в 1977 году, когда Юрий Сергеевич уже на новом атомном ледоколе «Арктика» пришел на Северный полюс и водрузил на шапку земного шара Красное Знамя СССР. У нас с Юрием Сергеевичем появилась пауза в разговоре. Он стал просматривать свежие газеты лежавшие на краю стола. Я не знаю, о чем Юрий Сергеевич думал в эти минуты, но произнес таким тихим, приглушенным голосом: «Я не всегда жалую многих писак, но это не распространяется на Володю Стругатского, которому верю», - и вновь надолго задумался. Лишь отдельные фразы из нахлынувших на его мыслей он вдруг неожиданно произносил вслух, казалось совсем не к месту. «А знаете, - обратился он ко мне, - тогда мировая печать, ученые, специалисты, широко комментировали высокий уровень в развитии науки и техники в СССР, мастерство и мужество советских моряков». Юрий Сергеевич на протяжении нашего разговора несколько раз возвращался к этой теме. Затем уходил от нее, погружался в далекое прошлое. Оттуда высвечивал одно имя за другим, рассказывал о величии человека, друга, соратника в нелегкой профессии ледокольщика. Видимо из груди вырывались те события и люди, которые глубоко залегли ему в душу, они лежат на поверхности памяти и уста озвучивали их снова и снова. Как, например, рассказ о своем учителе Соколове Михаиле Яковлевиче и всей команде ледокола «Ермак» и как в 1943-1944 годах на острове Диксон принимал участие в обороне порта во время нападения немецкого рейдера

«Адмирал Шеер». Мне было понятно, что Юрий Сергеевич пытался о многом рассказать, но тут же находил в том или ином случае себя. А о себе говорить не хотелось и разговор как бы, обрывался, и он уже вновь говорил о других событиях и своих товарищах ледокольщиках. Тех, с кем ему приходилось работать много, спорить доказывать, искать сообща новые более точные, надежные, прогрессивные методы.

Не раз Юрий Сергеевич возвращался к рассказу о строительстве атомохода «Арктика». А когда назвал имя генерального директора Балтийского завода Шершнева Виктора Ниловича, невольно улыбнулся, видимо вспомнил, как им обоим пришлось, как говорится, не одну горькую пилюлю выпить, пощекотать друг другу нервы, доказывая правоту того – или другого предложения. Юрий Сергеевич поблуждал в памяти и заключил: «Знаете, обстановка требовала большого нервного напряжения и мы могли и переходили на резкий тон. Но он имел отношение непосредственно к рабочей обстановке, но ни в коем случае не для унижения личности, а это очень важно». В эту минуту мне бы хотелось, как можно больше узнать, что сию минуту дарит ему память, над чем так упорно работает его мозг. Какую он дает оценку, прошлому и каждому человеку, с кем ему пришлось работать, в отдельности. А это, прежде всего люди, которые строили столь мощный атомоход «Арктика», руководство Балтийского завода, талантливый, высококвалифицированный главный инженер, генеральный директор Шершнев Виктор Нилович. Слушая Юрия Сергеевича, я невольно улыбнулась, подумав: а ведь, наверное, сейчас и Виктор Нилович вспоминает этого неумного, требовательного вспыльчивого, бесстрашного человека, но верного товарища - Юрия Сергеевича Кучиева. Эти два человека, умели спорить и ценить друг друга. Юрий Сергеевич утверждает, что Виктор Нилович на редкость талантливый

руководитель, организатор, высококвалифицированный инженер никогда не забудет и не предаст время, в котором он жил и работал.

Он отлично понимает, что именно оно, наше время, позволило ему, родившемуся в большой рабочей семье на хуторе в Псковско - Великолужской области в 1928 году, стать таким большим человеком, каким мы знаем Виктора Ниловича. Он пришел на Балтийский завод в 1948 году после техникума на должность помощника мастера. Интерес и тяга ко всему новому в производстве в жизни позволила, а быстрее всего, заставила окончить Кораблестроительный институт. Работая на самых важных, ответственных участках, он проявил себя, как талантливый инженер. Виктор Нилович прошел путь от мастера до главного инженера завода, а затем генерального директора, которому правительство, Министерство поручило важнейшие разработки, строительство атомных подводных лодок, уникальных по своему значению кораблей. Таких гигантов, какими являлись атомоходы «Ленин», «Арктика», «Россия», научно-исследовательское судно «Космонавт Юрий Гагарин», крейсер «Киров», всех трудно перечислить и в каждом из них есть малая доля его труда. Можно также сказать о «Петре Великом», «Фрунзе», «Андропове». Все они получили высокую оценку. Под руководством Виктора Ниловича строились корабли и для других стран: Швеции, Норвегии, ФРГ, ГДР, Англии, Перу, Индии, Кубы, Болгарии и других.

Виктор Нилович талантлив во всем, плюс к этому отличный хозяйственник. А там где хороший хозяин, там и успех, и порядок и благополучие. Он хорошо понимал, что большие задачи под его руководством решают люди, человек. Отсюда понятно, почему такая большая работа на Балтийском заводе проводилась, огромная забота уделялась человеку труда. Каждый год завод обеспечивал благоуст-

роенными квартирами 400-500 семей, имел свои детские сады, пионерские лагеря, спортивные лагеря, базы отдыха, больницы, поликлиники, санатории, лечебницы на черном море в Абхазии, там же арендовал базы отдыха. Всех достоинств, которые проявлял Виктор Нилович не перечесть. Его уважали, ему верили. За большие заслуги, за бескорыстный труд во имя могущества страны и блага человека он удостоен высших наград Родины: Герой Социалистического Труда, Лауреат Государственной премии. Также он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и другими орденами, медалями, правительственными грамотами, знаками, в том числе и золотыми, серебряными медалями ВДНХ. Если все описать, то потребуется, чуть ли не целый разворот газетного листа. Вот, он какой Виктор Нилович истинный богатырь земли русской, участник Великой Отечественной Войны, защитник и созидатель, простой и до невероятности сложной обладающей разносторонними знаниями, широкой души, чуткого сердца. Именно таким он занял в душе Юрия Сергеевича не последнее место.

И он с благодарностью вспоминает о тех людях, с кем ему пришлось встречаться и работать, решать непростые государственные задачи. Виктор Нилович с удовольствием и благодарностью вспоминает, как он несколько лет работал с Юрием Сергеевичем Кучиевым в одной команде и поэтому хорошо знает его беспокойный характер. Он говорит, что Юрий Сергеевич всегда стремился делать что-то хорошее. Виктор Нилович также ценит его высокие качества, как гражданина и как специалиста, как умудренного опытом и глубокими знаниями мореплавателя. Виктор Нилович так же, как и Анатолий Алексеевич Ламехов, с удовольствием рассказывает о том, как в начале 1970 годов Балтийский завод приступил к строительству головного атомохо-

да - ледокола «Арктика» мощностью 75 тысяч лошадиных сил. Безусловно, что для коллектива завода это было почетное задание и очень важное. Для этого требовалось создать новые цеха, участки, службы, лаборатории. Появилась необходимость обучать инженерных работников и рабочих особенностям работы с атомной энергией, на высочайший уровень поднять отношение к технике безопасности. И это было одной из главнейших задач. Руководство всеми коллективами подготовительных работ и строительства головного корабля поручено главному инженеру, первому заместителю директора, которым являлся именно Виктор Нилович Шершневу. Как раз он хорошо понимал, что подготовка производства и строительства такого сложного корабля как атомный ледокол является коллективным трудом не только работников завода, но и представителей заказчика, конструкторов работников соответствующих научно-исследовательских институтов, разработчиков и поставщиков судового оборудования, включая атомные реакторы, турбогенераторы, главные электромоторы, системы автоматического управления и т.д. Тогда группу надзора за проектированием и строительством от заказчика Мурманского морского пароходства возглавил высококвалифицированный инженер-механик Следзюк Александр Калинович, освоивший в совершенстве теорию и практику применения атомной энергии для судовых силовых установок принимавшей участие в строительстве первого атомного ледокола «Ленин» и продолжительное время плававший на нем главным инженером - механиком.

В строительстве «Арктики» была необходимая помощь экипажа корабля. Которые уже имели большой опыт эксплуатации первого атомного ледокола «Ленин». Как раз основной экипаж специалистов и возглавляли Юрий Сергеевич Кучиев, старший помощник капитана,

уже известный нам по предыдущей беседе Ламехов Анатолий Алексеевич, а главным инженером-механиком был Пашнин Олег Григорьевич. Сразу возникло много проблем, вопросы ставились очень остро. Но благодаря энтузиазму, коммуникабельности Юрия Сергеевича, его большим знаниям, настойчивые и справедливые требования воспринимались положительно.

Между руководителями строительства корабля всех уровней, включая бригадиров, с экипажем ледокола сразу же сложились деловые доверительные отношения. Их объединяло чувство общей цели, одной задачи - построить современный, надежный, с высоким качеством работ и повышенной комфортности ледокол с улучшенными условиями жизни экипажа с учетом предстоящих многомесячных навигаций в суровых широтах Северного ледовитого океана. Виктор Нилович откровенно говорит, что повышенные требования к качеству работы со стороны капитана с неумной горячей душой, каким был Юрий Сергеевич и его помощники, как Виктором Ниловичем, так и всем руководством завода воспринимались положительно. Да и иначе не должно быть. Все они делали одно дело государственной важности. Это Виктор Нилович отмечает, что все требования и предложения не были надуманными, а были вызванные необходимостью безаварийной эксплуатации в сложных арктических условиях, о которых хорошо знал экипаж.

Абсолютно все знали, что Юрий Сергеевич был человеком дела, он не любил, когда делается никому не нужная, бросовая работа. Вот тут-то он действительно очень возмущался, когда обнаруживал ошибки проекта или некачественное, недобросовестное исполнение работ. Эта черта характера жила в нем непоколебимо. Юрий Сергеевич отлично понимал всегда, с чем и с кем имеет дело. А после спуска ко-

рабля на воду значительно расширился фронт корпусно-достроечных монтажных, электромонтажных работ и самого сложного комплекса по монтажу атомной производящей установки АППУ, включающей в себя сложнейшие электронные системы автоматического управления. Юрий Сергеевич старался очень тонко с большой мудростью и глубокого понимания относиться ко всем дополнительным сложностям в постройке головного ледокола.

Правительством было принято решение проверить мобилизационный вариант ледокола, на возможный военный период, как крейсера береговой обороны. А для этого необходимо было установить артиллерийские крупнокалиберные и высокоскоростные установки с боезапасом и устранение помех, дополнительное радиолокационное и радиоэлектронное оборудование и в период испытаний ледокола провести испытания вооружения фактическими стрельбами по мишеням. А после проведения испытаний, вооружение необходимо было снять с ледокола и законсервировать. Часть оставшегося на ледоколе оборудования мобилизационного варианта также законсервировать, помещения ледокола восстановить по варианту мирного времени. Было четко продуманно, как избежать задержки строительства корабля. Как раз тогда и был создан оперативный штаб, который неустанно работал под руководством Виктора Ниловича Шершнева. В оперативный штаб входили представители группы наблюдения заказчика во главе со Следзюком Александром Калиновичем и его заместителем Коваленко Владимиром Константиновичем, капитаном Кучиевым Юрием Сергеевичем и главные специалисты экипажа ледокола, а также главный конструктор ледокола – начальник ЦКБ «Айсберг» Перевозчиков Андрей Егорович и заместитель главного конструктора Фрейдман Рувим Юдович, Демяненко Виктор Яковлевич, Горбунов Борис Александрович.

вич и другие главные специалисты ЦКБ, которые навсегда вошли в душу Юрию Сергеевичу и знакомством с которыми он постоянно гордился. А также научный руководитель от НИИ атомной энергии им. Курчатова Хлопкин Николай Сидорович со своим заместителем. При решении особо важных вопросов заседание штаба проводил директор завода Кузнецов Яков Яковлевич в начальной стадии строительства, а затем Юдин Аркадий Васильевич. На всех этапах строительства и подготовки к пуску требовалась колоссальная работа, строжайшая дисциплина, которая осуществляла точнейшую координацию работ из центра управления. Для успешного выполнения всех работ должна быть команда. А создать такую команду заводу было практически невозможно. А поддерживать ее работоспособность от ледокола к ледоколу было бы нецелесообразно, учитывая, что периодичность сдачи новых ледоколов в эксплуатацию составила 2-3 года. Именно здесь особо проявился государственный подход к делу Юрия Сергеевича Кучиева как капитана команды ледокола и начальника Мурманского пароходства Игнатюка Владимира Адамовича. Они согласились на то, чтобы экипаж ледокола наряду со своими обязанностями приняли на себя, так же как основные обязанности управлять материальной частью корабля на время швартовых и ходовых испытаний и вошел в сдаточную команду завода. И принятое Виктором Ниловичем и Юрием Сергеевичем решение о включении экипажа в сдаточную команду завода дало колоссальный экономический эффект государственного уровня, способствовала хорошей конструктивной отработке материальной части ледокола и проекта в целом, что в значительной мере отразилось на надежности и последующих ледоколах. На первом и последующих этапах строительства и испытаний ледоколов положительное влияние и воздействие на ход событий оказывал председа-

тель Государственной приемной комиссии ледокола в эксплуатацию заместитель начальника Мурманского морского пароходства по атомным ледоколам Данилов Леонид Григорьевич, отличный специалист своего дела.

Превосходные качества, и высокий профессионализм мореплавателя и капитана Юрий Сергеевич показал в период первого выхода ледокола в море и проведения ходовых испытаний сложного корабля в сложных условиях начавшейся зимы в узкостях и мелководьях Финского залива как сдаточный капитан завода и как капитан экипажа ледокола, принимающего построенный корабль в постоянную эксплуатацию. Виктор Нилович Шершнева был ответственным сдатчиком ледокола. Так они втроем: председатель Данилов, ответственный сдатчик, Шершнева и капитан Кучиев управляли процессом испытаний и сдачей ледокола в эксплуатацию. Эти три удивительных человека несмотря на нервное напряжение, вызванное большой ответственностью и физическими перегрузками не рассорились, а, наоборот, на все времена сохранили уважительное дружеское отношение.

Даже тогда, когда до испытания оставалось мало времени, и надо было все успеть, и они старались, где только возможно, экономить время. И положительное решение ими было найдено: все испытания провести за один выход в море, не подходя к берегу. На борт ледокола взяли кроме сдаточной команды всех специалистов, которые могут потребоваться, всех военных специалистов и комиссию для проведения стрельб и других испытаний по мобилизационному варианту. Таких специалистов набралось 700 человек при числе штатных мест на ледоколе 125. Виктору Ниловичу и Юрию Сергеевичу с помощниками пришлось здорово поработать, чтобы всех сносно разместить и никого сильно не обидеть, и это им удалось. Но испытания были

задержаны на целых четыре дня. Уровень воды в устье Невы и в морском канале упал ниже ординара. А им требовался уровень воды на 30-40 см выше ординара.

Но благодаря правильному решению: никому на берег не сходить, все находились в постоянной готовности к выходу в море. На корабле ввели морской распорядок, и как Виктор Нилович утверждает, это получилось благодаря высокой требовательности к соблюдению порядка и дисциплины на корабле со стороны капитана Юрия Сергеевича Кучиева. Его огромное трудолюбие и ответственность за свое дело, его высокие профессиональные качества позволили успешно провести испытания и вернуться на завод. Выполнили большой объем конструктивных улучшений и доработали по результатам швартовых и ходовых испытаний. И атомоход «Арктика» под командованием такого талантливого капитана каким был Юрий Сергеевич Кучиев в апреле 1975 году в спокойной обстановке вышел в море на контрольной выход. А за несколько дней до праздника 1-го мая на Таллиннском рейде был подписан акт сдачи-приемки в эксплуатацию головного атомного ледокола «Арктика» и тогда же проводили его в первое самостоятельное плавание в город Мурманск - порт приписки. Это творение умов, рук, таланта людей до сих пор находится в безаварийной эксплуатации. Ту огромную радость и гордость которую испытывали строители столь мощного атомохода в короткие строки на бумаге не вместишь. Это был коллективный подвиг, но так же и подвиг каждого в отдельности.

Высококвалифицированный главный инженер Балтийского завода Шершнева Виктор Нилович стал генеральным директором. Он под особым контролем и вниманием держал строительство атомных ледоколов и кораблей. И спустя годы эти две гениальные личности вновь

встретились. Юрий Сергеевич был назначен заместителем начальника группы наблюдения Морского пароходства за строительством ледоколов на заводе. А после развала Советского Союза и начавшегося развала промышленности Виктор Нилович был вынужден уйти с завода. Но с Юрием Сергеевичем они встречались на общественных мероприятиях как ветераны, как Герои Социалистического Труда. Они оба дают одинаковую, отрицательную оценку развалу такой могучей страны как СССР. С возмущением говорят о том, как это так получилось, что сильная гордая Россия попала почти в полную зависимость от Запада, США. Нет никакой национальной идеи, и Виктор Нилович с болью в сердце отмечает, что Юрий Сергеевич Кучиев, как честный человек сильно переживает за то, что не смог внести свой вклад в улучшения создавшего тяжелого положения. Виктор Нилович прав, Юрий Сергеевич переживает не только за то, что бессилен, чем-либо помочь, сделать, повлиять на происходящие события, но и за то, что не может хотя бы помочь своим товарищам ледокольщикам, которые полностью посвятили себя столь нелегкому труду в суровой обстановке холодного севера. Юрий Сергеевич мучился, терзал, рвал свое уставшее сердце.

Особенно сильно на него повлияли события в Беслане. Его сердце захлебывалось кровью. Трагические события на его малой Родине в Осетии отнимали последние силы. Но он не вызывал к себе жалость, а жестко осуждал, делал укор тем людям, кто повинен в этом ужасном событии которое потрясло не только нашу страну но и мир. Встречи, беседы с Юрием Сергеевичем были интересными и поучительными, что невольно приходилось о многом задумываться под час менять свое мировоззрение на некоторые события. По этому я с интересом их ждала. Но последний наш разговор с ним состоялся по телефону. Юрий

Сергеевич сказал мне, что буквально через пару дней мы встретимся во Дворце Труда, где нам нескольким человекам Героям будут вручаться медали, посвященные 100-летия профсоюзов. Я обрадовалась тому, что Юрий Сергеевич, как и раньше, доверяет моему тексту, который говорит о нем, как о человеке, а не о его профессиональной деятельности. Для меня такое доверие человека, каким есть, был и будет Юрий Сергеевич очень дорого. Но моя радость была омрачена известием о его скоропостижной смерти. В начале трудно верилось в ее реальность, как это так Юрия Сергеевича не стало, его, который, не только собирался во Дворец Труда, но и был полон новых идей и предложений в нашей совместной работе. А он взял неожиданно ушел и ни с кем не попрощался. Прервалось его светлая мысль взять, да необъятное объять, вытрясти из него весь мусор и, как можно глубже его закопать подобно ядерным отходам. Все плохое, жестокое, несправедливое, с чем приходится сталкиваться добрым людям. Он, боровшийся с коварством, злом, жестокостью, бездушием. Его слова о трагедии в Беслане, вновь приходят мне на память, вновь рвут душу. Юрий Сергеевич глубоко задумался и произнес, обращаясь ко мне: «Знаете, разум отказывается понимать, что такое зверство могли устроить люди. Не один зверь даже самый дикий и коварный не мог так поступить со своими собратьями». Юрий Сергеевич говорил ясно, четко, казалось, не волновался. Лишь слегка побледневшие губы выражали истинные чувства. На мужественном хорошо выбритом лице не дрогнул ни один мускул и нерв. Так же спокойно лежали мелкие морщинки. Но жгучий глубокий взгляд прятал внутреннюю боль. Я смотрела на Юрия Сергеевича и поражалась силой воли этого удивительного человека. И от души благодарила бога, что он позволил мне на жизненном пути встретить такого человека, поистине человека-легенду.

17 августа 1977 года

В момент достижения Северного полюса. На мостике атомного ледокола «Арктика»: справа налево - министр Морского флота Б.Т. Гуженко, начальник администрации Северного морского пути К.Н. Чубаков и капитан атомохода Кучиев.

1977 год
С земляками на родине в Осетии

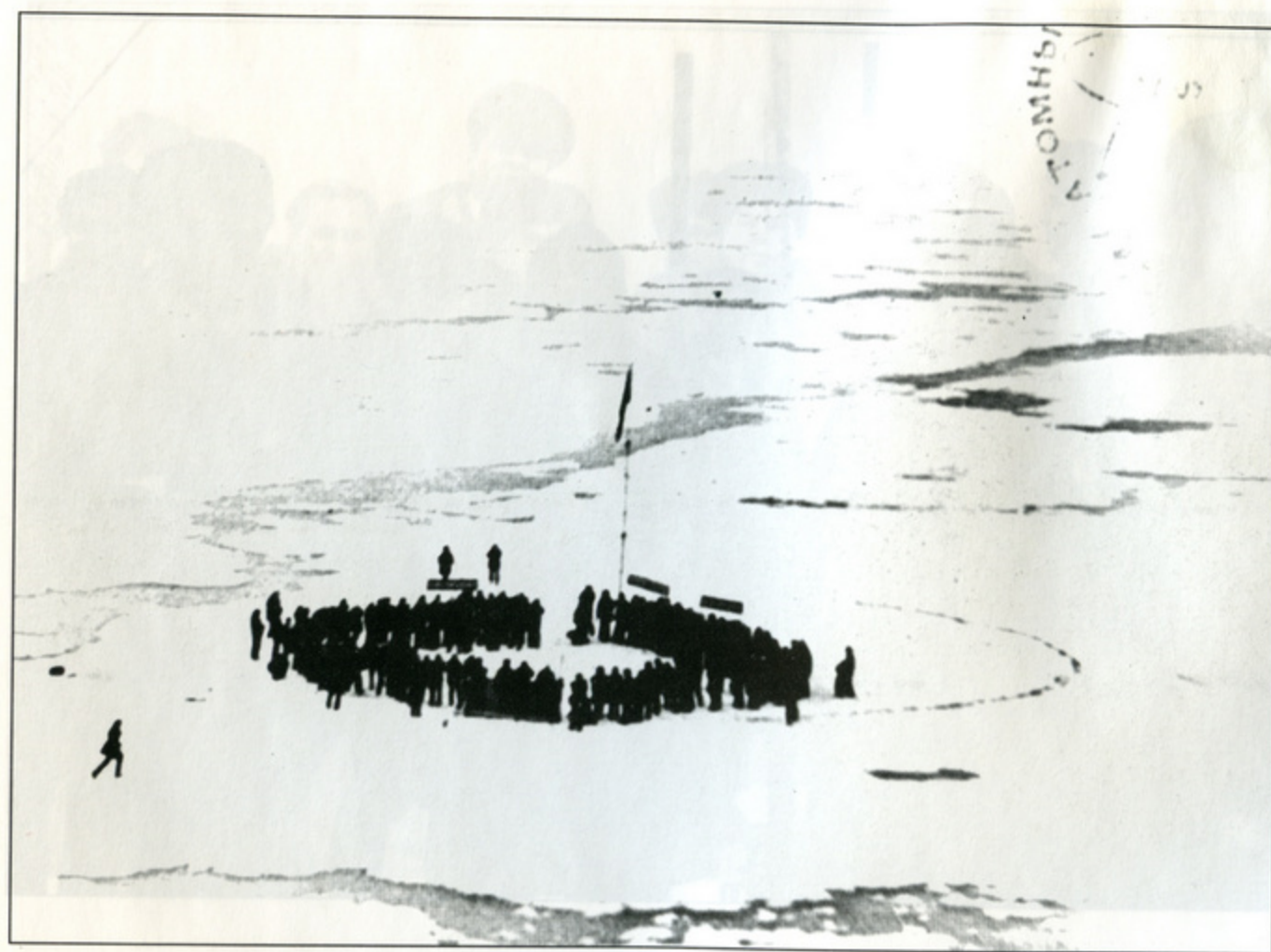

В редакции газеты «Версия» («Совершенно секретно»)

Сидят (слева направо): Ламехов А.А., Кучиев Ю.С.
Стоят: Кошелев В.С., Арифджанов Р., Шнейдер

Водружение флажштока на Северном полюсе.

*17 августа 1977 года.
«Кругосветка» вокруг флага СССР, водруженного на Северном полюсе*

17 августа 1977 года. Северный полюс.
 Слева - дублер капитана В.А. Голохвастов, министр Морского флота
 Гуженко, справа - академик Хлопкин Николай Сидорович

17 августа 1977 г. на Северном полюсе.
 Капитан Кучеев Ю.С. с древком флага Георгия Седова

На достроечной набережной Балтийского завода.

Слева направо: Главный строитель судов Иван Петрович Лазаренко; директор завода Виктор Нилович Шершнев; зам. директора по режиму В.Н. Матвеев, капитан атомохода «Арктика» Ю.С. Кучиев, начальник цеха - сдаточный капитан Балтийского завода Хетагуров К.М.

Партийно-правительственная делегация Северо-Осетинского Обкома КПСС на Балтийском заводе.

Слева направо: директор завода Шершнев Виктор Нилович, зав. отделом Северо-Осетинского Обкома КПСС Черчесов Георгий Ефимович; капитан Кучиев Ю.С.; секретарь Северо-Осетинского Обкома КПСС Кучиев Азубе Георгиевич; сдаточный капитан Балтийского завода Хетагуров Казбек Михайлович; секретарь Парткома Балтийского завода Фролов Валентин Васильевич

*Ветераны-Герои Социалистического Труда. Слева направо:
Капитан атомохода «Россия» Ламехов Анатолий Алексеевич;
питерский рабочий Алексеев Владимир Николаевич;
зам. начальника Балтийского пароходства Чистов Геннадий Николаевич;
автор книги, Герой Социалистического Труда Захарова Татьяна Михай-
ловна; и капитан атомохода «Арктика» Кучиев Ю.С.*

*На борту атомохода «Арктика», в каюте капитана во время плавания в
Арктике. Каюта украшена оружием из фонда Краевого музея Северной
Осетии - Алании.*

На снимке Кучиев Ю.С. и Хетагуров К.М.

Ветераны-Герои Социалистического Труда. Слева направо:

Капитан атомного ледокола «Арктика» Ламехов Анатолий Алексеевич;

17 августа 2002 года. Мурманск.

25 лет похода атомного ледокола «Арктика» на Северный полюс.

Ламехов А.А.; Кучиев Ю.С.; Голохвастов В.А.

Август 2002 года. Мурманск.

Установка памятной доски капитану Соколову Б.М. на доме, где он жил.

Улитин Г.А.; Ламехов А.А.; Кучиев Ю.С.

*1 декабря 2005 года (за две недели до кончины).
В гостинице «Астория»
на презентации книги капитана 1 ранга Доценко В.Д.
Кучиев Ю.С. слева с микрофоном. В центре - Ламехов А.А.*

Конечно, я вполне допускаю то, что найдутся люди, на которых в свое время Юрий Сергеевич повысил голос, что было вызвано нервным напряжением, так как он нес на себе такую большую ответственность за экипаж, судно, выполнение заданной цели. В эти минуты мне вновь вспомнились слова Анатолия Алексеевича Ламехова. Тогда он глубоко вздохнул и посмотрел куда-то мимо меня, возможно в прошлое и с такой убежденностью сказал: «Ведь, там, в открытом океане между ледников и торосов, огромным небом для экипажа, богом становится капитан». Боже, какие слова, притом сказанные в точку, и эту святую истину не опровергнешь. После этих слов я стала представлять то, сколько же времени и сколько раз для экипажа корабля Юрий Сергеевич был богом, и это божественное назначение с честью выполнял. А теперь бог забрал его к себе и не позволил Юрию Сергеевичу на земле быть слабым, просить помощи, стать обузой для близких. Как гордо, ярко жил, так и покинул этот бранный мир. Прощаясь, с телом Юрия Сергеевича, бывшие товарищи и друзья произносили прощальные речи, которые были похожи, одна на другую, поистине они были трогательные, искренние. А я их не запомнила. Я мысленно еще вела с ним беседу. Вспомнила, как с каким-то мальчишеским озорством Юрий Сергеевич рассказывал о своем дедушке, косившем на склонах гор в девяносто лет траву. Он говорил о крутых обрывах и речушках, вспоминал различные травы и цветы и боготворил вспотевшую спину столь родного человека. А с какой гордостью говорил о своей любимой Осетии, о людях с которыми во время пребывания там вел откровенную беседу. Говорил Юрий Сергеевич о каждом с такой любовью и уважением даже слегка сам вытягивался, расправлял плечи, готовый встать. Это, в его груди не вмещалась гордость за своих земляков, которые в любых трудностях и сложных походах были в его

душе, служа спасительным талисманом. За эти короткие разговоры с Юрием Сергеевичем я полюбила этот гордый, талантливый осетинский народ. Честность и прямота Юрия Сергеевича, как зеркало отражало истину горного народа. И мне стало очень жаль, что я в свое время исколесила чуть ли не весь мир, а вот в маленькой Осетии не удалось побывать. Но рассказы Юрия Сергеевича раскрывали передо мной этот прекрасный уголок. Он был верным надежным сыном не только своей малой родины, как он всегда называл, а сыном всей могучей страны, братом человека любой национальности и вероисповедания, всех, живших в одной дружной семье СССР. Это название Юрий Сергеевич произносил с особой любовью и гордостью. Но пока я купалась в воспоминаниях, прощание с телом Юрия Сергеевича закончилось. В морг поехали самые близкие люди. Но наша группа Героев Социалистического Труда вместе с многочисленными друзьями и сослуживцами отправились на поминки в гостиницу Москва. Среди мужчин затерялись несколько человек женщин. Это близкие родные и мы, три человека от нашей геройской плеяды.

Здесь вновь много говорили о невероятном мужестве таланте мореплавателя, капитане от бога честнейшего и преданного Родине человека. А я все вспоминала Юрия Сергеевича живого. В разговоре он не раз утверждал, что дружба наших народов это и есть залог счастья, благополучия и мира: «Мы же под час не до конца понимаем, как гордо звучат слова «я Советский человек», а кто он по национальности не имеет никакого значения. Мне самому на корабле и в голову не приходило делить экипаж по национальному признаку». Видимо потому, что я все время купалась в своей памяти, сказанные слова вслед ушедшему из жизни Юрию Сергеевичу не цепляла память. Но зато те слова, которые удалось мне услышать в разговоре группы мужчин,

помимо воли врезались в память, сознание так, как будто кто их забывали в меня кувалдой. Эти слова озвучил, невысокий мужчина притом произносил он их, выделяя каждое слово: «Юрий Сергеевичи и мертвый продолжает свою работу, выполняет святую миссию по единению народов. Сегодня в непростое, даже сложное время он сумел усадить за один стол народы Севера и Юга. Все они пришли проводить в последний путь своего товарища, друга, брата. Настоящего Советского человека. Который с достоинством пронес по всей жизни святые заветы отца, не предал его идеи, не усомнился в дружбе народов населяющих нашу страну». Говорил он так настойчиво и твердо, что мне показалось, одних он заставлял восхищаться, других стыдиться.

Значить есть, тому причина подумала, я. А когда вернулась домой с поминок, мне сразу бросился в глаза качающейся стул, на котором сидел Юрий Сергеевич. Вспомнила его жгучие глаза, которые покрывала мягкая поволока, вызванная душевной нежностью скрывавшейся глубоко в сердце. И память вернула сказанные им слова: «Мы же с Нинелечкой...», - и на этом прервал фразу. На мгновение задумался и неожиданно произнес: «Прах Нинелечки хранится в шкафу, когда меня не станет, я завещаю ледокольщикам, чтоб наш прах вместе развеять над океаном», - и надолго замолчал. В эти минуты я его не беспокоила вопросами. Хорошо понимала, что в эти мгновения он вспомнил свою единственную, любимую женщину, мать троих детей, верного товарища и друга Нинелечку. Да, вот теперь не стало и Юрия Сергеевича его друзья, конечно, выполняют его просьбу и развеют прах над океаном. И очень хотелось бы, чтоб ветру было под силу унести малую частицу праха на ту точку, шапку земли, куда привел отважный капитан Юрий Сергеевич Кучиев впервые в мире атомоход «Арктику». Тем самым прославил на весь мир научный и технический потен-

циал Советского Союза, стойкость и мужество людей исполнивших вековую мечту мореплавания всех времен и народов. Эти слова мне хочется повторять и повторять. Они и во мне и у всех людей страны вызывают особую гордость. И мне вновь вспомнились слова капитана атомохода «Россия» Анатолия Алексеевича Ламехова и директора Балтийского завода, а так же многих других людей, хорошо знавших Юрия Сергеевича, которые практически слово в слово одинаково высоко ценили личность Юрия Сергеевича и с улыбкой отмечали его подчас яркую вспыльчивость, которая, прежде всего, мешала ему самому. И он сам, Юрий Сергеевич, не скрывая, говорил: «Порой моя горячность мешает объективности, но в любое время она никогда не была вызвана личными интересами, а лишь интересами дела, которому служил». Когда приходится встречаться с людьми, которые хорошо знали Юрия Сергеевича, то каждый из них оставляет свой след и в моем сердце.

Мне хорошо понятно, что эти люди непростые, занятые делом и отрывать у них время порой стесняюсь. Как вот и на этот раз решила услышать мнение, о Юрии Сергеевиче у человека хорошо знавшего Юрия Сергеевича талантливого полярного исследователя Николая Александровича Корнилова тоже Героя Социалистического Труда. Контакты по совместной общественной работе позволили откровенно поговорить о нашем общем товарище по плеяде Героев. Николай Александрович улыбнулся, слегка сощутив глубокие умные глаза, и ответил: «Об этом человеке, не только можно, но и нужно говорить». А говорить о Юрии Сергеевиче значит говорить о, времени в котором жили, о великой стране, его биографии и достижения это и есть биография страны. И я подумала, а это значит и биография Николая Александровича тоже биография страны.

Корнилов Николай Александрович - полярный исследователь - более сорока лет посвятил изучению полярных районов нашей Планеты. Трудовая деятельность Н.А.Корнилова началась в 1954 году после окончания им Высшего Арктического Морского училища имени адмирала С.О.Макарова (в настоящее время Морская Академия) и получения специальности инженера-океанолога. В течение семи лет он работал в Арктической научно-исследовательской обсерватории ААНИИ в поселке Тикси ЯАССР на берегу моря Лаптевых. В обсерватории занимался изучением ледового и гидрологического режима морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, а также гидрометеорологическим обслуживанием навигации на центральном участке трассы Северного Морского Пути, работая гидрологом-разведчиком на самолетах ледовой разведки.

За годы зимовки в Арктике Н.А.Корнилов приобрел обширные знания в области гидрологии арктических морей, формировании ледового режима. Приобретенный им опыт полевых исследований в полной мере проявился во время его последующих многочисленных, экспедиций.

Так в 1961-1962 гг. он руководил дрейфующей научно-исследовательской станцией «Северный Полюс-10», которая впервые в истории исследования Арктики была организована на дрейфующих льдах Арктического бассейна поздней осенью с борта атомохода «Ленин».

В 1963-1965 и в 1967-1969 гг. он работал начальником станции «Молодежная» в составе 9 и 13 советских антарктических экспедиций (САЭ). По окончании последней, руководил работами 14 сезонной САЭК, находясь на борту дизельэлектрохода «Обь».

В 1970 году за отличное выполнение заданий в особо трудных условиях Арктики и Антарктики и проявленные при этом мужество и

героизм Н.А.Корнилову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1974 году, после успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук, он снова идет в Антарктиду в качестве начальника зимовочной 20 САЭ.

В 1976 году назначается заместителем директора ААНИИ по научной и экспедиционной работе.

На этом посту он проработал до 1994 года, несколько раз был в Антарктиде в качестве начальника сезонных экспедиций. Так, в период 25 сезонной САЭ (1979-1980гг.) под руководством Н.А.Корнилова была открыта седьмая советская антарктическая станция – «Русская», а также в районе «Молодежной» Государственной комиссией под его председательством была принята в эксплуатацию взлетно-посадочная полоса, созданная на снежно-ледовом основании, на которую 13 февраля 1980 года совершил посадку на колесном шасси самолет ИЛ-18Д. Летчики оценили состояние полосы как отличное. За эту работу Н.А.Корнилов награжден орденом Октябрьской Революции и знаком «Отличник Аэрофлота». Назначение его председателем Госкомиссии не было случайным. Работая на «Молодежной» в 9, 13 и 20 САЭ, он проводил работы по созданию этой полосы: создавались опытные участки, где разрабатывались и испытывались различные методы уплотнения снежно-ледовой толщи, расчеты необходимой толщины уплотненного слоя. Примененный метод создания взлетно-посадочной полосы нигде до этого не был апробирован, ни в Арктике, ни в Антарктике, ни в отечественном, ни в зарубежном строительстве.

В 1986 году Н.А.Корнилов руководил воздушной экспедицией на самолете ИЛ-76ТД, который 25 февраля благополучно совершил по-

садку на ту же полосу, что и ИЛ-18Д в 1980 году. Впоследствии эти два типа самолетов надежно связали воздушным мостом антарктическую станцию «Молодежная» с Москвой и Ленинградом. Он существовал вплоть до закрытия станции «Молодежная».

Являясь заместителем директора института, Н.А.Корнилов руководил рядом национальных и международных программ, связанными с совместными научными исследованиями нашей страны и иностранных государств, в полярных областях Земли. Так в 1992 году он руководил экспедицией, в которой была организована впервые в мире дрейфующая научно-исследовательская станция «Уэдделл-1» в Антарктике, в море Уэдделла. Одним из авторов проекта организации такой станции был Н.А.Корнилов. Станция работала в течение четырех месяцев по российско-американской программе, наблюдения выполняли русские и американские ученые.

В настоящее время Н.А.Корнилов выполняет общественную работу в Ассоциации российских полярников, являясь ее вице-президентом.

Вот очень короткая сжатая биография человека, который точно знает, что такое труд полярника, какова его важность в целом для страны, а значит для народа. И казалось, работая в таких условиях человек должен быть важным до предела и недоступным. А в действительности же все наоборот. Николай Александрович доступен, вежлив, добр. Его рассказ о Юрии Сергеевиче, возможно, в какой-то степени повторял сказанное ранее его товарищами. Но все равно у каждого из них было, что-то свое, особое. А повторения неизбежны, все же говорили об одном человеке, а он не мог быть другим, иным, каким знали его товарищи о таком и говорили. Вот и Николай Александрович стал рассказывать о Юрии Сергеевиче и особо заострил внимание, начи-

ная с 1962 года. Тогда Юрий Сергеевич плавал на ледоколах таких, как «Малыгин», «Александр Сибиряков», «Илья Муромец», «Красавин», приобретая необходимый опыт, и постепенно поднимался по должностной лестнице, от третьего помощника до старпома.

Начиная с 1962 года, он становится капитаном ледокольного флота Мурманского Арктического пароходства. Первые ледоколы под его командованием, были «Киев», «Мурманск», затем дублер и капитан атомного ледокола «Ленин». Николай Александрович рассказывал с таким уважением о Юрии Сергеевиче, о походах в моря и океаны, что в лице и голосе просматривалась, виделась, слышалась и его любовь к столь нелегким профессиям ледокольщика, полярника которые требовали большего мужества. Но Николай Александрович не обращал внимания на мою реакцию и продолжал дальше рассказывать о Юрии Сергеевиче: «А знаете, тогда по итогам предоктябрьского юбилейного социалистического соревнования (50 лет Советской власти) победителем вышел экипаж ледокола «Киев», капитаном на котором был Ю. С. Кучиев. Экипажу был присужден вымпел Министерства Морского Флота СССР и вручена первая денежная премия. Это явилось результатом самоотверженной работы всего экипажа во главе с капитаном в сложных ледовых условиях, осуществляя проводку транспортных судов. Во время его работы дублером капитана и капитаном на атомном ледоколе «Ленин», ледокол был занят на проводке судов на самых сложных в ледовом отношении участках трассы Северного Морского Пути».

Вернемся на несколько лет назад. Когда в 1964 году Ю. С. Кучиев был капитаном атомного ледокола «Ленин», подменяя штатного капитана Бориса Макаровича Соколова, он принял на борту первого космонавта мира Юрия Алексеевича Гагарина. Эта для него была незабываемая встреча. Наверно и для Гагарина тоже. Два Юрия - два не-

заурядных человека, им было, что рассказать друг - другу. Тем более что Юрий Сергеевич с детства мечтал стать летчиком. Когда Ю. А. Гагарин узнал об этом, он сказал: «Зачем вам быть летчиком, когда вы управляете таким кораблем, на котором можно делать чудеса». Как в воду глядел первый космонавт.

5 июня 1971 года коллегия министерства Морского флота утвердила Кучиева Юрия Сергеевича капитаном атомного ледокола «Арктика», который в то время только строился в Ленинграде. 30 декабря 1974 года Юрий Сергеевич поднимает флаг на новом, самом мощном в мире атомном ледоколе «Арктика», построенном на Балтийском заводе в городе Ленинграде. Первого мая атомоход пришел в Мурманск и в июне открыл арктическую навигацию 1975 года. В испытательном плавании атомный ледокол «Арктика» успешно провел «Индиگیریку» к одному из арктических архипелагов. В середине июня атомоход направился в Карское море. В тяжелом сплоченном льду, блокирующем Карские Ворота, новый атомный ледокол мощностью в 75 тысяч л. с. не встретил серьезного сопротивления. Он безостановочно стремился вперед, подминая корпусом огромные льдины.

Подойдя к Диксону, «Арктика» начала вскрытие мощного ледового панциря енисейского припая. Всю перемычку протяженностью в 45 миль атомоход прошел за 6 часов. Прежде два самых мощных ледокола, помогая, друг другу и работая ударами, преодолевали такую перемычку лишь за двое-трое суток. Вернувшись к мысу Желания, «Арктика» взяла под проводку четыре первых лесовоза и провела их во льду со скоростью 10-12 узлов. Затем суда были отбуксированы через енисейскую перемычку и взяли курс на Игарку. Так началась первая навигация нового атомного ледокола, с первых же ледовых миль показавшего свои почти неограниченные возможности.

Экипаж атомного ледокола «Арктика» под руководством капитана Ю. С. Кучиева отлично справился с поставленными перед ним задачами, о чем особо было отмечено в поздравительной телеграмме Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в адрес экипажа атомохода,

Навигация 1977 года.

Как обычно ее открыл атомоход «Арктика». В марте они вместе с ледоколом «Мурманск» обеспечили проводку д/э «Гижига» к мысу Харасавэй с грузом для «Комигазпрома».

Но главное событие для экипажа атомохода и его капитана в эту навигацию было впереди - покорение Северного полюса.

9 августа атомоход под вымпелом министра морского флота СССР Тимофея Борисовича Гуженко, руководившего экспедицией, вышел из Мурманска и взял курс к северной оконечности Новой Земли. В состав экспедиции вошли также ученые-исследователи различных специальностей, включая научно-оперативную группу из ААНИИ возглавляемую старшим научным сотрудником, кандидатом географических наук Ильей Павловичем Романовым. Миновав пролив Вилькицкого «Арктика» повернула на север, 5 августа ледокол пересек параллель 85 (северной широты) и вошел в так называемый приполюсный район. На пути атомохода встретились огромные поля многолетнего льда, отдельные из которых ледоколу приходилось преодолевать ударами, с разбега.

17 августа 1977 года атомный ледокол «Арктика», преодолев мощный пояс паковых льдов, впервые в мире достиг в активном плавании географической точки Северного полюса. Исполнилась вековая мечта моряков и полярных исследователей многих поколений. Экипаж и участники экспедиции отметили это событие торжественной цере-

монией поднятия Государственного флага СССР, на десятиметровую стальную, мачту, установленную на льду. Прозвучал салют из ракетниц. К основанию флагштока была прикреплена капсула с текстами проекта Конституции СССР, Гимна Советского Союза и списком членов экипажа и экспедиции.

За 15 часов, которые атомоход провел на полюсе, ученые выполнили комплекс наблюдений. Перед уходом с полюса моряки опустили в глубины Северного Ледовитого океана памятную металлическую плиту с изображением Государственного герба СССР. Моряки, ученые, летчики - все, кто принимал участие в подготовке и проведении высокоширотного плавания, посвятили свою победу 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом с борта ледокола руководители похода - министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко и капитан «Арктики» Ю. С. Кучиев направили рапорт Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

В послании, адресованном руководителю рейса Т. Б. Гуженко, капитану атомохода Ю. С. Кучиеву и всем участникам экспедиции, Л. И. Брежнев отметил: «Коллективный труд ученых и специалистов различных профессий в таком сложном и, прямо скажем, довольно опасном деле, как рейс к суровому Северному полюсу, еще раз подтвердил высокие моральные и политические качества советских моряков и полярников». В заключение он пожелал всем доброго здоровья и дальнейшей, плодотворной работы, в развитии и совершенствовании судоходства на Северном морском пути - главной транспортной магистрали в Арктике».

Поход «Арктики» к полюсу нашей планеты является гигантским шагом вперед в освоении Севера и символизирует размах научно-тех-

нического прогресса в нашей стране.

Мировая печать, ученые и специалисты зарубежных стран оценили успех высокоширотной экспедиции на «Арктике» как свидетельство технической мощи и совершенства советского кораблестроения, высокого уровня развития науки в СССР, свидетельства мастерства и мужества советских моряков.

И в этом большая заслуга принадлежит Юрию Сергеевичу Кучиеву, его знание и опыт, опыт ледового капитана способствовали успешному проведению рейса. Он создал на «Арктике» прекрасный экипаж профессионалов высокого класса, любящих свой ледокол и преданных своему делу.

Родина высоко оценила, подвиг покорителей полюса и одним из первых Юрий Сергеевич Кучиев получил звание Героя Социалистического Труда.

Всю жизнь Юрий Сергеевич был смелым и решительным человеком - капитаном, способным работать в самых тяжелых, на первый взгляд, казалось бы, непроходимых льдах. Всегда он был верен своим принципам: требователен к себе и подчиненным, в то же время его требовательность постоянно сочеталась с заботой о них. Если он прав - готов отстаивать свою позицию, не взирая на лица, используя буквально каждую возможность личной встречи с членами правительства. 21 мая 2002 года состоялась встреча полярников с председателем Правительства М. М. Касьяновым, на которую был приглашен Ю. С. Кучиев. На ней он говорил, что очень мало внимания уделяется правительством ледокольному атомному флоту, что катастрофически не хватает квалифицированных кадров. Пенсионеры моряки получают пенсии, которых с трудом хватает на питание и лекарства, поэтому молодежь и не стремится идти по их стопам.

Последние годы Юрий Сергеевич был на пенсии, не работал, но активно участвовал в общественной жизни и никогда не прерывал связи со своей Родиной – Северной Осетией, регулярно навещал ее, встречался с народом, старался помочь и остро переживал за те страдания, которые выпали на долю его Родины. Он поддерживал постоянную связь с моряками и полярниками, радовался их успехам и переживал неудачи.

Когда Николай Александрович закончил рассказ, а я как глупая девчонка в свои большие годы от души радовалась тому, что не только от кого-то слышу или читаю о таких незаурядных людях. А сижу рядом, смотрю, в глаза выполняем, совместно общественную работу поздравляем друг друга с днем рождения. Грустим о прошлом, болеем за будущее страны, за молодое поколение, на долю которого выпало нелегкое время, порой нам кажется, что гораздо тяжелее, чем нам детям ВОВ. У нас была ясная цель, восстановить разрушенную войною страну, достичь самых больших высот в развитии науки и техники, беречь как зеницу ока, страну уметь ее защищать от внешнего врага. И ради этого мы работали с огромной радостью. Любовь к Родине у нас была превыше всего. Как раз поэтому является ярким доказательством жизненный путь людей, о которых пишу и, прежде всего, о Юрии Сергеевиче Кучиеве, о яркой горевшей звезде незаурядной личности. Каждая с ним встреча оставляет свой след в душе. Он не уронил, не озвучил не одного слова, рассчитывая заслужить уважение к себе, на первом плане всегда были люди.

Когда мы, Герои Социалистического Труда, собираемся и вспоминаем ушедших из жизни наших товарищей и, тем более, о Юрии Сергеевиче Кучиеве, которого совсем недавно проводили в последний путь.

Разговор шел о том, как отмечали трехсотлетие прекрасного города на Неве. На открытие праздника в Ледовом дворце получили несколько билетов. Никогда не забыть то волнение с, которым, шли на торжество купаясь в людском потоке и звуках музыки, пробираясь к своим местам. С трудом их отыскивали и, наконец, с большим волнением, глубоко дыша, сели. Когда немного успокоились, я посмотрела вниз и сердечно екнула, о боже не упасть бы голова слегка закружилась.

Но спасибо, тому что, рядом села Тамара Васильевна Коташевич, председатель ветеранов труда города и области. Ее цепкий ум, быстрая реакция и сообразительность подсказали ей, причину моей тревоги. Она мгновенно прижала к себе мою руку и сказала: «Вполне могло появиться головокружение: сидим-то на предпоследнем ряду самой далекой галерки». Но это нас не расстроило, самое главное, что присутствуем на столь высоком форуме, посвященном солидной дате, и я успокоилась. Но теперь чувствую, сильно заволновалась Тамара Васильевна, не пойму в чем дело.

Она быстро уловила мой вопросительный взгляд и тихо сказала: «Посмотри налево». Так я и поступила. И увидела всего через два человека от нас, спокойно сидел Юрий Сергеевич. Сильная рука Тамары Васильевны крепко, даже нервно сжала мои пальцы. Затем вновь тихо произнесла, неужели такому человеку как Юрий Сергеевич не нашлось более удобного места. А сама все крепче сжимала мою руку, тем самым выражала свое негодование, возмущение. Затем мы обе немного успокоились, увидев недалеко руководителя Совета ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов генерал-полковника Корбутова Ивана Ивановича и наших друзей героев. Все рядом: генералы и полковники, директора институтов и больших объединений, участники войны, главные конструктора, бло-

кадники. У этих людей убеленных сединой на груди не вмещались правительственные, военные и трудовые награды, это те, кто одержал победу, посылал на фронт самолеты, танки, пушки, снаряды, одежду и продовольствие.

Это те, кто после войны встал на самый пик трудового фронта, укреплял оборону страны, поднял науку и технику, превратил за короткое время разрушенную страну в могущественную страну, державу Мира. Кто впервые в мире послал человека в космос, кто достиг вершины планеты, установил, как в шутку называют, на пик земли Советский флаг. Мне стало легко и радостно среди них. И я уже более спокойно посмотрела на Юрия Сергеевича Кучиева. Не смотря на возраст, а он уже разменял девятый десяток лет, выглядел молод, аккуратен, даже элегантен Юрий Сергеевич, внимательно вслушивался в прекрасное пение Ирины Богачевой, заслуженной певицы СССР. Я вначале не заметила на его лице никакого волнения кроме наслаждения пением. А затем уловила в профиле лица, мужественного, серьезного, на виске идущую от глаз морщинку, которая меняла свое положения, тем самым выдавала хорошо скрытое волнение. При том это волнение в нем бушевало не за себя – это он отметал напрочь - а за нас, в основном пожилых женщин. И эту внутреннюю боль он пытался глотать, аккуратно облизывая сухие губы. Нет, подумала я, не придется Юрию Сергеевичу пожить спокойно, ради себя. Как всегда на первом плане у него были и есть люди, люди, страна, малая и большая Родина. После окончания праздника уже внизу мы в шутку говорили, что все благополучно. Приземлились из космоса живыми и здоровыми. Общая радость нас сделала счастливыми. Мы понимали друг друга с полуслова. У нас была одна боль, одна победа, одно поражение, одна надежда. Тогда Юрий Сергеевич быстро затерялся в люд-

ском водовороте. Но память, так ярко хранит его образ под крышей галерки. Возможно, также как память Юрия Сергеевича хранит откровенные беседы со своими земляками, которыми он очень гордился и уважал. Однажды, еле заметно улыбаясь, он сказал: «Они какое-то время были недовольны тем, что мне присвоили звание Героя Социалистического Труда, а не Героя Советского Союза. Им казалось, что моя скромная персона этого вполне заслуживает. Этим самым они во мне вызывали добрую теплую улыбку. Я высоко ценю их искренность во всем большом и малом. Ибо нет ничего дороже, чем настоящая мужская дружба. Правда, мужчины мало об этом говорят, но это так». Вспоминая сейчас этот с ним разговор, я всматриваюсь в фотографию в черно-белом исполнении. С нее на меня смотрят четыре пары глаз таких разных и удивительно похожих мужчин. Они свободно сидят на какой-то завалинке, упираясь ногами то ли в большое дерево, то ли в камень. Какие интересные люди их вид говорит о постоянстве, порядочности и глубоком уважении друг к другу. Среди них и Юрий Сергеевич Кучиев, как иногда в народе говорится в доску свой, родной и близкий человек. И Юрий Сергеевич среди них, среди друзей, чувствует себя на родной земле надежно.

Теплый солнечный луч упал каждому на левое плечо, ласкает лица, на которых прячется мягкая улыбка, и чувствуется непоколебимая вера друг в друга. Юрий Сергеевич большинство времени находился на Севере. Поэтому, он особенно чувствует силу солнечных лучей и потому прикрывает голову легкой белой шапочкой. Я всматриваюсь в его лицо и вспоминаю вновь, как он, находясь у меня, смотрел на букет из колосьев пшеницы, ячменя, и различных травинков. Такой букет постоянно находится в квартире и служит, чуть ли не талисманом, который никогда не оставляет, или не позволяет, чтоб на столе

не было бы куска хлеба. Юрий Сергеевич долго смотрел на него, не проронив ни слова. Я хорошо понимала, что его мысли сейчас были далеко отсюда, и он купался в воспоминаниях. Мне хотелось, как можно дольше удержать его там, куда улетела его душа. Наконец он отвел от букета взгляд и проговорил: «Вы любите природу, при том эмоциональны, свободно выражаете свое отношение к ней. Я тоже, - продолжал, говорить Юрия Сергеевич, - часто вспоминаю, как легко и свободно дышится особенно, по утру находясь в горах. Каждая травинка или цветок ведут непримиримую, вечную борьбу доказывая, чей из них аромат слаще и нежней, вкусней. Именно этим воздухом наполняются легкие, и пьянеешь от удовольствия. А утренняя роса соберет с них ветром гонимую пыль. А солнечные лучи слижут, ее своим мягким языком заберутся в самые углы, убирая влагу».

Не скрою, что я была, не просто удивлена, а поражена его откровенностью. В начале мне было никак не состыковать личность Юрия Сергеевича, столь серьезного, строгого, подчас немногословного, а тут такого тонкого, чувствительного в груди которого прячется безграничная, нежная любовь к родному краю, близким людям, товарищам и особая нежность к своей любимой женщине Нинелечке. Юрий Сергеевич разгадал мои мысли и проговорил: «Вы правы в своих размышлениях. Действительно плохо то, что я не сумел, не успел дать понять, высказать все то, что всегда хранил и храню в душе. А по правде - вот здесь», - положил правую руку на левую сторону груди и на время замолчал. Честно сказать, я еще раз удивилась, даже растерялась его откровенности. А он тут же, неожиданно сказал, как выстрелил, быстро и четко: «Я несколько раз перечитывал ваши рассказы о некоторых наших товарищах, Героях. Особенно внимательно вчитывался в рассказанное вами о Владимире Александровиче Емельянове

под названием «Без вести пропавшей». В каких бы ситуациях он не находился всюду просматриваются его высокие чисто человеческие качества. Он целен во всем. По этому, находясь, в аду войны и плена состоялся настоящий человек». Я поняла, что Юрий Сергеевич вновь уводит разговор в другое русло, к другим людям только не о нем лично. Одновременно мне казалось, он все-таки глубоко размышляет о самом сокровенном, что не смог вовремя высказать то, о чем не надо было молчать, особенно нежность к близким, которую он припрятал в глубинах своего горячего сердца. А теперь понял Юрий Сергеевич, что, как раз невысказанное во время является очень важным и главным. Он сильно любил семью, но это он прятал за требовательностью к ним, за резким высказыванием. Но любовь и нежность к ним не покидала его сердце. Это было конечно так, иначе он бы не терзал сегодня свою душу. Хотя таким чувствам он и сегодня ставит барьер, сохраняя достоинство и силу духа.

Конечно суровая обстановка в, которой, Юрий Сергеевич провел всю жизнь, колоссальная ответственность наложили свой отпечаток на уставшее сердце. И я вновь вспомнила слова Анатолия Алексеевича: кругом лед, лед, лед, и старые льдины смерзаются с новыми, а под ногами, под днищем корабля, бездонная яма холодного океана.

Отсюда вполне понятно особое отношение к земной красоте, к цветам и травам вызванное сухим букетом. Он заставил нас по-особому оценить природу, ее значимость в судьбе человека, тем более такого человека как Юрий Сергеевич Кучиев гордого, сильного, умеющего хорошо в себе прятать высокую чувствительность нежного любящего сердца.

Юрий Сергеевич в нашем разговоре несколько раз возвращался к неоценимым, прекрасным его родителям, родственникам, землякам, в

том числе и к природе, цветам и травам, растущим на склонах осетинских гор. Честно сказать, что я совсем не ожидала такого интересного откровенного разговора. Хотя знала его по нашим Геройским встречам. Много слышала о нем от его друзей и от тех людей, которым приходилось с Юрием Сергеевичем работать.

Но увидеть вот этого Юрия Сергеевича, с которым беседую, не ожидала. Я старалась внимательно его слушать, смотрела в глаза и видела, как он мгновенно преображался, когда произносил слова папа, мама. На его лице казалось, вмещалась вся Осетия с ее радостями и несчастьями. Но стоить сказать ему о Нинелечке, как он мгновенно становился другим, порозовеет лицо, в глазах вспыхнет пламя огня, улыбка рвется на волю. Но он ее умело прятал, подавливая, не давал воли столь нежному чувству. Вот таким он и был, постоянно контролирующим себя, чтобы не проявить нежность не дать возможность, чтоб его увидели вот таким чувствительным. А когда Юрий Сергеевич говорил, о верном товарище Анатолии Алексеевиче, чтоб он берег и заботился о своей жене Наташе, мне как женщине было понятно, что в эти минуты он думал о Нинель. В памяти пробежал по их совместной жизни, анализировал свои поступки, находил, в чем себе упрекнуть. Теперь он преподносил урок, своему ученику не в том, что касается работы, ибо и сам Анатолий Алексеевич отстоял многие годы на капитанском мостике, а чисто житейские дружеские, от всего сердца. Юрий Сергеевич иначе не мог, все делал от души. Поможет так, поможет, отругает, так отругает.

И вот теперь, когда уже полгода нет среди нас Юрия Сергеевича, столь легендарного человека, мы, группа Героев Социалистического Труда, при любой встрече вспоминаем надежного товарища, верного сына отечества прославившего не только талантливый Северо-Осе-

тинский народ, но и народы всех братских Социалистических Республик под гордым названием СССР. Тогда мы совсем не обращали на национальности и вероисповедание. Каждый из нас был советский человек, и, это звучало гордо. Как раз на такие вещи Юрий Сергеевич особенно упирал и сосредотачивал на их внимание. Тем самым заставлял полностью в это верить. Вот и сегодня спустя полгода после кончины Юрия Сергеевича мы, группа Героев, собрались в совете ветеранов города и области, чтоб поздравить его ученика, товарища, надежного друга Ламехова Анатолия Алексеевича с юбилеем. В каждом поздравлении юбиляра звучали слова и о Юрии Сергеевиче Кучиеве, уж не говоря о том, как и, что говорил сам юбиляр, у которого за плечами не мало героических подвигов, которые высоко оценены руководством страны в любые годы, в том числе и в наше сегодняшнее время. Когда слово взял в прошлом заместитель директора института Арктики и Антарктики Николай Александрович Корнилов он поведал нам, в каких сложнейших условиях работал капитан атомохода «Россия» Анатолий Алексеевич, что слушать и то становилось страшно. А наши ледоколы и бесстрашные капитаны побеждали. И даже здесь, в поздравлении Анатолия Алексеевича звучало имя Юрия Сергеевича Кучиева. Мы сидели за столом, Герои радовались, увидев друг друга, и грустили о тех, кого не стало среди нас. Как раз в этот момент в руках Николая Александровича появилась с красной полосой правительственная телеграмма, и он приступил к ее чтению:

Дорогой Анатолий Алексеевич.

От всей души поздравляю Вас со знаменательным юбилеем, 75-летием со дня рождения, Вы входите в мировую морскую полярную элиту. Вас прекрасно знают и уважают все, кто работал и работает в Арктике все полярные капитаны, летчики, ледовые разведчики и полярники. Вся ваша жизнь истинного патриота нашей родины неразрывно связана с атомным ледокольным флотом и посвящена служению России. Желаю Вам, дорогой Анатолий Алексеевич, крепкого здоровья счастья и долгих лет жизни. Крепко Вас обнимаю.

Заместитель председателя

Государственной Думы Российской Федерации

Герой Советского Союза А. Н. Чилингаров.

13 апреля 2006г.

Ваша работа в Мурманском морском пароходстве отмечена высокими государственными наградами и званиями Герой Социалистического Труда, кавалера ордена Ленина, Октябрьской революции, ордена «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени.

Мы, присутствующие гости, дружно закричали «Ура» и вновь стали поздравлять юбиляра. Но Анатолий Алексеевич, вдруг неожиданно стал рассказывать, каким грамотным был Юрий Сергеевич Кучиев, как хорошо, знал русский язык, никогда не делал, ни одной ошибки, насколько он был, на удивление, талантлив во всем. А в руках Николая Александровича лежала уже другая телеграмма, он попросил тишины за столом и хорошо поставленным голосом стал озвучивать текст телеграммы:

Мурманское пароходство.

Уважаемый Анатолий Алексеевич!!!

Примите искренние поздравления от имени моряков и работников береговых подразделений Мурманского пароходства по случаю Вашего 75-летия!

Четыре десятилетия своей трудовой биографии Вы посвятили Мурманскому пароходству. Вы достойно прошли путь профессионального роста от третьего, второго помощника капитана на транспортных и пассажирских судах до капитана атомного флота, возглавив атомоход «Россия» с момента постройки. За годы работы в пароходстве Вы раскрылись как специалист высокого класса, отличный профессионал, справедливый, отзывчивый человек широкой души и высокой культуры. Присущие Вам твердость характера, смелость, решительность в сложных ситуациях всецело способствовали освоению и развитию Северного морского пути. В Вашей биографии было немало героических событий, таких как операция по спасению дрейфующей станции «Северный полюс-28», первый туристический круиз на вершину планеты, сверххранний арктический рейс по Севморпути в 1993 году. Ваш бесценный опыт ледового плавания, добросовестное отношение к труду и любовь к морскому делу всегда будут служить примером для молодежи.

Ваша работа в Мурманском морском пароходстве по достоинству отмечена высокими государственными наградами и званиями Герой Социалистического Труда, кавалера ордена Ленина, Октябрьской революции, ордена «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени.

Но, пожалуй, наиболее значима та из наград, которая не заносится в трудовую книжку это уважение и признание Ваших коллег по нелегкому морскому труду.

С теплом и благодарностью о Вас всегда вспоминают Ваши приемники арктические капитаны, наставником целой плеяды которых Вы являетесь. В настоящее время они управляют могучими атомоходами.

Мы Вас искренне ценим и уважаем. Низкий Вам поклон и сердечная благодарность за все, что Вы сделали для морского флота и для пароходства.

От всей души желаю Вам, дорогой Анатолий Алексеевич, крепкого здоровья и бодрости духа на долгие годы, оптимизма и хорошего настроения, счастья, благополучия и успехов!

**Генеральный директор ОАО
«Мурманское морское пароходство»
А.М.Медведев**

После прочтения текста телеграммы Анатолий Алексеевич точно также как его учитель Юрий Сергеевич, чтоб не заострять на себя внимания стал рассказывать об Арктике, о людях с восторгом поведал историю белого медведя, которого с младенчества приучили пить шампанское. Причем он мгновенно отличал Советское шампанское от других, к которым не прикоснется. Нам было понятно, что он уводит гостей от следующих тостов, которые покажутся ему слишком лестными, от них он даже краснел и уводил свой взгляд. В разговоре про Арктику и Северный полюс вновь возникла фигура Юрия Сергеевича Кучиева. На короткий миг мне почудилось, что Юрий Сергеевич находится среди нас, слышит поздравления в адрес ученика, благодарит его за человеческую память и добрые слова. Как знать, может и правду утверждают легенды и мифы, и между живыми и мертвыми не обрывается связь. Иначе, почему эти два удивительных человека, полярника, Анатолий Алексеевич Ламехов и Николай Александрович Корнилов столь часто вспоминают Юрия Сергеевича Кучиева, хотя чествовали совсем не его. А когда пришел Владимир Стругатский, корреспондент, писатель поздравить юбиляра, то разговор о Юрии Сергеевиче активизировался. Боже, подумала я, как глубоко понимают друг друга эти люди, кому довелось работать на Севере, во льдах, также как и Владимиру Ильичу Стругатскому, вице-президенту Ассоциации полярников России, почетному полярнику, которому не раз приходилось находиться во льдах на дрейфующих станциях, где он испытал на себе все прелести холодного Севера. Личность Юрия Сергеевича ему особо известна. Когда мы с Юрием Сергеевичем сидели у меня за чашкой кофе, перед нами стояла тарелка с домашней выпечкой, то он глубоко вздохнул и сказал, а я дома Володю Стругатского встречал с блинчиками на столе. Правда, я их купил в кулинарии, но они оказались вполне приличными.

А сейчас мне о многом хотелось спросить Владимира Ильича Стругатского. Но он уже вел активную беседу с Николаем Александровичем Корниловым и Ламеховым Анатолием Алексеевичем, и перебивать их было бы верхом неприличия. Зато в этот момент память мне подбрасывала отдельные разговоры, как с самим Юрием Сергеевичем, так и теми людьми, которые хорошо его знали, а тем более с родственниками, с кем с самого детства делили радости и трудности. Этим человеком является Казбек Михайлович Хетагуров. Он тоже моряк, на флоте с 1947 года закончил морскую школу, морское училище и получив высшее образование так же, как и Юрий Сергеевич, окончив Макаровку. Только судьба их развела по разные стороны. Юрий Сергеевич всю свою жизнь осваивал Север, а Казбек Михайлович бороздил Южные широты. И в связи с большой занятостью встречались редко. Иногда так совпадало, что их пути пересекались у себя на родине, в горной Осетии, а так в основном в Ленинграде. Особенно в период строительства атомохода «Арктика». Как раз в это время Казбек Михайлович уже работал на Балтийском заводе начальником сдаточного цеха. Казбек Михайлович, не смотря на возраст еще полон сил, работает, являясь капитаном порта «Терминал Сервис».

Чувствуется, что он так же, как и Юрий Сергеевич, глубоко уважает и почитает свою семью. Жена Алла Николаевна и дочь кандидат медицинских наук Фатима Казбековна преподают в Медицинской Академии имени Мечникова. Так что дома у Казбека Михайловича мини - медицинский центр. Казбек Михайлович рассказывал о родном уголке и внутренне, также волновался, как и Юрий Сергеевич. Но способность уметь скрывать внутренний восторг или волнение доказывали их кровное родство. Разговор с Юрием Сергеевичем и Казбеком Михайловичем состоялся в разное время, об осетинских горах

расположенных на огромном российском пространстве на столько совпадал, подчас почти слово в слово, особенно эти совпадения были анекдотичны в рассказах о природе. Как же любят и благоговят эти два человека свой родной край. Когда вспоминаю лицо Казбека Михайловича во время рассказа о том, что он со своими домочадцами ездит на родину на машине: «Подъезжая к большому щиту у дороги, на котором крупными буквами написано: «Добро пожаловать в солнечную Северную Осетию», замирает сердце, руки, кажется, свободно держат руль, а машина идет сама, да не только катит по дороге, а чуть ли не летит». В момент рассказа я смотрела на Казбека Михайловича и очень жалела, что он не видел в это время своего лица. Оно сделалось намного моложе, взгляд цепкий, острый. На миг он почувствовал себя, там, на родине где провел трудное, но счастливое детство. А при разговоре про фрукты и овощи, об ароматном варенье из ореха, калины, о сочной мягкой кукурузе дынях и арбузах; у меня просто разыгрался аппетит. С таким же вдохновением говорил он о целебных минеральных источниках. И я ловила себя на мысли, что с такой же любовью к этому удивительному уголку земли помнились слова Юрия Сергеевича Кучиева: «О, если бы вы видели, - обратился он ко мне, - какое разноцветье трав, цветов, такое, что замирает душа, а какая холодная, бодрящая вода в речке Нар. После нее ощущаешь себя, как в полете, крылатым, легким». С каким глубоким и уважительным чувством говорили эти два человека о местных обычаях, которые они высоко чтят. И я восхищалась ими. А, как не восхитится обычаю, что позор хозяину который позволил выйти из его дома пьяному гостю. В этом закладывается большое воспитательное значение, чтоб поставить барьер пьянству. Отсюда вполне понятно, почему Юрий Сергеевич вел непримиримую борьбу против этого зла. Об уважении к

старшим и говорить не приходится, насколько они уважаемы и почитаемы. Даже на свадьбах предлагают поднять бокал сразу за четыре фамилии. Жениха и его Мамы, невесты и ее Мамы. Сразу в единую семью вливаются четыре рода. Это же очень здорово.

Последнее время я часто обдумываю беседы и разговоры о Юрии Сергеевиче Кучиеве и с Казбеком Михайловичем Хетагуровым, и Анатолием Алексеевичем Ламеховым, и Шершневым Виктором Ниловичем, и Корниловым Николаем Александровичем, и членами нашей группы Героев Социалистического Труда. Все одинаково по достоинству характеризуют эту по истине легендарную личность. Таким был Юрий Сергеевич Кучиев. Отсюда понятно то, что трудно было писать о нем, нельзя же постоянно повторяться, а по-другому и нельзя, невозможно, он же был честным человеком, не хитрил, не менялся, не перекрашивался. Никакие обстоятельства не заставили его потерять свое я, личность и никуда не спрятать его талант, бесстрашие, верность, честь, вспыльчивость заботливого душевного товарища друга. Нелегко в душе сейчас мне перемолоть все услышанное о Юрии Сергеевиче, а с другой стороны, какое же счастье знать с каким человеком столкнула судьба на жизненном пути. Какие люди в нашем Геройском коллективе, каждый из них поражает своей яркой индивидуальностью. Но Юрий Сергеевич занимает особое место первооткрывателя Северного полюса. Я часто всматриваюсь в фотографию, где Юрий Сергеевич среди своих полярников, впервые вступивших на «пуп земли», как говорил Юрий Сергеевич. Здесь стоит он в центре с большим шестом, поставленным, на точку, где сходятся все меридианы, и держит пламенную, горячую речь. И всем этим людям, кто пришел с ним на Северный полюс, не до конца верилось, что свершилось чудо. Пусть сейчас, много лет спустя, туда за огромные деньги

можно проделать экскурсионный путь. Но тогда это было впервые в мире, и цены такому походу нет. Осуществление мечты мореплавателей всех времен и народов бесценно. Этот факт подтверждает мировая история. И какое огромное счастье, лично знать, беседовать, работать, дружить с людьми, которым было все под силу. А мне повезло, как говорится «на три села вокруг» принять дважды дома такого человека как Юрий Сергеевич Кучиев. Верного, преданного сына нашего отечества, который всю жизнь прятал в сердце, нежную, чувствительную любовь к своей семье. Высокого, орлиного полета был этот удивительный человек, мечтавший, чтоб его потомки взлетели выше. И здесь ничего удивительного нет. Ведь все родители, мечтают об этом. Но Юрия Сергеевича томила душа о том, что во время не мог выложить, высказать, истинное чувство к близким людям. Толи не хотел казаться слабым, чересчур чувствительным, то ли мечтал о том, чтоб его истинные чувства люди видели в нем сами! Как раз вот такую огромную как глыба невысказанную нежность и любовь он унес с собой. Ушел из жизни не до конца разгаданным, как человек, а не с точки зрения профессии. И в таком ничего удивительного нет. Великие люди, они великие во всем, но как говорится, что даже солнце и то высвечивает одну, две, три стороны, но только не четыре. Что-то всегда остается в тени. Как знать, возможно, оно и есть самый драгоценный камень. Когда я беседовала с Юрием Сергеевичем, он понимал и как бы слышал, читал эту мою мысль, и это ему не очень нравилось. Как, так, кто-то просвечивает его душу и озвучивает его мысли. Затем еле заметно, краешками губ, улыбнулся и смирился с моими мыслями, которые я не прятала от него. Ибо они были чистыми, честными, и он снял со своей души обиду на то, что его раскусили.

И теперь, когда нет на земле Юрия Сергеевича и перед тем, как пос-

тавить точку после своего скромного рассказа мне вновь вспомнились последние минуты нашей беседы. Когда я пренебрегла его просьбой не провожать его до транспорта, а все-таки вышла с ним на улицу и немного прошлась с ним. Юрий Сергеевич пошел уверенной походкой, стройный элегантный, человек в меру гордый с чувством достоинства, реально воспринимающий мир и происходящие события в нем и, прежде всего, в нашем общем большом доме, который называется Отечеством. Мне захотелось хоть несколько метров пройти рядом с ним, услышать несколько мудрых слов, сказанных хорошо поставленным голосом, но устыдилась своей бесцеремонности, попрощалась и пошла домой по тенистому садику, обдумывая нашу беседу.

Над головой ветер играл с густой липовой листвой, рядом, озорно поглядывал через густые ветки шиповника, прятался душистый ароматный бутон. Пахло сухой скошенной травой, блестели на солнце спокойно лежащие на дорожках желтые песчинки, недавно смытые дождем. Окружающая красота, цветы и травы, в белых лохмотьях синее небо, острые как стрелы лучи дневного солнца не мешали мне мечтать. Я мысленно пыталась представить перед собой осетинский горный аул Тиб, где трудился в поте лица отец Юрия Сергеевича, настоящий коммунист, бесстрашный красный партизан в годы Гражданской войны, талантливый нарком земледелия Северо-Осетинской АССР Сергей Тимофеевич Кучиев, чьи заветы, напутствия и наставления сын хранил всю жизнь как зеницу ока. Пыталась представить мужественную красивую гордую, очень мудрую женщину-горянку с удивительным бессмертным именем Любовь, подарившую миру такого человека, каким был, есть и остается в истории, в веках ее первенец Юрий Сергеевич Кучиев.

Т.М. Захарова

